Метро 2033: Холодное пламя жизни (сборник)

Автор:
Игорь Баранова

Метро 2033: Холодное пламя жизни (сборник)

Павел Старовойтов

Анна Владимировна Калинкина

Ирина Владимировна Баранова

Сергей Чехин

Татьяна Живова

Игорь Илюшин

Виктор Робертович Лебедев

Юрий Владимирович Харитонов

Игорь Владимирович Осипов

Игорь Владимирович Вардунас

Дмитрий Юрьевич Манасыпов

Ольга Швецова

Константин Иорданович Бенев

Шимун Врочек

Сергей Семенов

Шамиль Алтамиров

Сергей Валентинович Антонов

Станислав Богомолов

Андрей Русланович Буторин

Алексей Алексеевич Доронин

Андрей Гребенщиков

МетроВселенная «Метро 2033»

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Какая она, жизнь людей в 2033 году? В разных городах и странах люди ведут непрекращающуюся войну на выживание. Они ищут способ существовать в мире, который взбунтовался против них. Они ищут возможность остаться людьми в суровых страшных условиях, где слова «любовь», «культура», «сочувствие» почти потеряли смысл. Что чувствуют эти люди? Пламя их жизни угасает, становится холодным и блеклым. Все, что им остается – бороться, верить и ждать.

Метро 2033

Холодное пламя жизни

сост. Анна Калинкина

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д. А. Глуховский, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Хор голосов

Объяснительная записка Анастасии Калябиной

Всем известно, что талант мало связан с положением в обществе, характером, воспитанием, физическими данными – да вообще ни с чем он не связан. Талант не покупается, не передается по наследству, нельзя им заразиться воздушно-капельным, его не подцепишь, лизнув светлую одаренную голову. С талантом

можно только родиться. К сожалению.

Талант проявляется не сразу, он дремлет до определенного возраста. До того самого, когда мы решаем на врача идти учиться или на инженера-механика. Вот решил пойти в химики-ядерщики, уже и устроился, но вдруг внезапно застал себя ночью или ранним утром за столом. На столе изгрызенная ручка и законченный роман. Да, так и бывает.

Но я это все к чему. Многие современные писатели именно так себя и открыли. Серия «Вселенная метро 2033» так себя открыла. Да, скептики, это не коммерческий проект, это, скорее, шоу талантов. Только отборочный этап остается за кадром. Если повнимательнее присмотреться, то мало кто из наших авторов зарабатывает на жизнь писательством. И люди все совершенно разные.

Все, что наших авторов объединяет – это любовь ко Вселенной Метро и талант. Поэтому серией я гордилась, горжусь и буду гордиться всегда. Она объединяет, поддерживает и подталкивает одаренных людей к самореализации. Что может быть важнее для автора, чем найти своего читателя? Что может быть для человека важнее, чем возможность быть услышанным?

Наверное, только, найти того, кого захочешь слушать. Найти то, что тебе интересно.

Дорогие друзья, сейчас перед вами хор талантливых голосов. Каждый прекрасен по-своему. Наши чудесные авторы, которые нашли себя в какой-то момент в творческой истоме после тяжелого рабочего дня. Которые создали нечто удивительное, за что мы их и полюбили.

Мне всегда горько от того, что наши сборники не резиновые. И нельзя напечатать весь лонг-лист. Мы и так растягиваем книгу до невозможности. В среднем сборники у нас в полтора-два раза больше по объему текста, чем романы. Зато без ложной скромности можно сказать, что в сборники попадают лучшие рассказы. Те, которые пробирают до дрожи, которые потрясающе написаны, в которых все прекрасно – и слог, и сюжет, и идея, и персонажи.

А те рассказы, что не вошли, мы опубликуем в следующий раз.

Наслаждайтесь, друзья!

Шимун Врочек

Байки Убера

2032 год. Санкт-Петербург

1. «Комната точного времени»

На заброшенной станции Черная Речка встретились три каравана. Бывает и такое. У каждого каравана своя задача – пройти к одой ему известной и назначенной цели. У каждого свой груз – делиться подробностями караванщики не стали, хотя каждый примерно представлял, что везет другой, куда и кому. Диггеры вообще многое знают.

Караванщики поставили карбидки, стали готовить еду. Совместный ужин перед выходом в питерскую ночь – ледяную радиоактивную ночь, когда каменные львы пристально смотрят на тебя со своих пьедесталов гранитными глазами. Когда чудовища, чувствуя ток крови в твоих жилах, бродят в этой ночи, среди пустых заброшенных зданий, над высохшими каналами, забитыми ржавыми кораблями. Когда великий город в центре мертвой холодной земли ждет, что ты пройдешь по его улицам…

Быть диггером – или сталкером, как говорят на юге Питера, – право дорогое, почетное, не всякому дано. И очень опасное.

Но все это будет потом. А пока диггеры готовили еду, делились продуктами, водой, новостями, болтали и смеялись. Редко такое бывает.

Наташка с отцом, оставив помощника Святослава раскладывать тюки, сказали «День добрый всем» и прошли к огню. Вкусные запахи кулеша нес сырой холодный воздух. Он слегка отогрелся на огнях карбидок, но все равно оставался неприветливым и жестким. От стен заброшенной станции в спину ощутимо тянуло могильным холодом. Наташка поежилась.

Слышался чей-то веселый хрипловатый голос. Высокий лысый диггер с татуировкой на плече – серп и молот в лавровом венке – что-то рассказывал. Его слушали. Болтун прирожденный, решила Наташка. Болтунов она недолюбливала. Рядом с высоким сидел другой – пожилой, с коротким седым ежиком волос. Седой молчал. Высокий говорил.

– Вот часы у тебя есть? – обратился он к диггеру из другой команды.

– А как же! – ответил тот. – Без часов в нашем деле никуда. Самые лучшие!

Наташка разглядела, что это «командирские», армейские часы, выдававшиеся когда-то офицерам. Хорошие, но требуют постоянного подзавода.

– Видишь?

– А как ты узнаешь, какое время выставлять? – с подковыркой спросил высокий диггер.

– Ну как… – неуверенно ответил тот. – По солнцу…

– А ты часто бываешь на солнце? – удивился высокий. Вокруг засмеялись.

Диггеры не рисковали выходить на поверхность днем. Глаза, привычные к темноте, плохо переносили солнечный свет. Так что нужно вылезти вечером, когда стемнеет, а за ночь добраться до места. И все равно, все на поверхности казалось ярким, беспощадным для глаз, – вытравленным светом луны. Особенно трудно диггерам приходилось, когда в Питере наступали знаменитые «белые ночи».

– А что… откуда? – диггер замолчал.

– Ты понимаешь, когда случилась Катастрофа, время исчезло. Кто-то говорит, что так человечество наказал Бог – за то, что мы уничтожили Землю. Я бы даже поверил в это… но я, на свою беду, атеист, – Убер усмехнулся. – В общем, часов не стало. Некоторые сломались, особенно те, что с электроникой, их уничтожил электромагнитный импульс от ядерных взрывов, остальные просто выработали ресурс. Остались только механические – но даже они, если их вовремя не

завести, останавливаются. Через несколько лет выжившие обнаружили, что жить без часов совершенно невозможно, потому что временной разнобой не давал привести жизнь в метро в какое-то русло. И тогда кровавый Саддам приказал собрать уцелевшие часы, все возможные, для создания комнаты точного времени. И люди это сделали.

На самом деле, до Катастрофы существовали часы абсолютного времени. В одной шахте, очень-очень глубокой, они, возможно, до сих пор тикают, – высокий покачал головой и усмехнулся. – Только нам добраться до них нет никакой возможности. И на самом деле это не часы, как мы к ним привыкли, – никаких стрелок там нет, там что-то свое. К сожалению, уже не помню. Что-то там с атомами или молекулами… Какие-то измерения.

В общем, решили в метро сделать так: собрать часы и установить некий общий стандарт, точку отсчета. Так и пошло. Даже когда после смерти Саддама питерское метро развалилось на враждующие части-государства-станции, часовой стандарт остался общим. Даже веганцы его придерживаются.

Высокий оглядел всех, собравшихся у огня. Теплый запах тушенки и перловки полз по подземелью.

– Скажем, что у нас сегодня? Пятнадцатое октября? Вот и у веганцев тоже – пятнадцатое. А сколько сейчас времени?

Собеседник высокого посмотрел на часы.

– Уу! Почти восемь утра.

– Вот. Смотри. Без пяти восемь. Через десять часов можно выходить – стемнеет. И все это благодаря «Комнате точного времени».

– Да это вранье! Легенда! – возразил кто-то. Наташка не увидела, кто именно.

– Угу, – кивнул высокий диггер.

– Байка! – крикнули из толпы.

– Э, нет, – высокий засмеялся, скаля зубы. – Есть, есть комната точного времени! А еще говорят, если в нее попасть – то исполнится любое твое желание. Потому что в нашем перевернутом мире тот, кто управляет временем, управляет всем.

Диггеры переглянулись.

– Убер, ты сейчас серьезно? – спросил один из них. – Или опять прикалываешься?

– Шучу, конечно, – сказал Убер невозмутимо. – Но, честно говоря, было бы интересно проверить. А тебе нет?

«Я бы хотела, – подумал Наташка. – Я бы очень хотела. Я загадала бы, чтобы мама была жива. И брат тоже».

Она снова вспомнила тот момент, когда узнала о случившемся. Словно что-то сломалось в мире. Треснуло. И теперь этот мир всегда будет для нее сломанным.

Грабители пришли, когда отца не было дома. Двое или трое. Старший брат бросился защищать мать, его убили первым. Наташка в это время была у подружки, помогала с ребенком. Когда вернулась, то увидела людей у входа в палатку. И ботинок брата… И тогда что-то треснуло.

– Кулеш готов, – объявил повар.

Горячую кашу разложили по мискам. Диггеры погрузились в процесс, некоторое время слышался только стук ложек.

Наташка получила свою миску, над горячим кулешом поднимался мясной тушеночный дух. Но она чувствовала такое нервное напряжение, что даже есть толком не могла. Сегодня вечером – ее первая «заброска». Она станет диггером. Наташка представляла, как это будет, как пойдет по поверхности, и не могла проглотить хотя бы ложку.

Отец подбадривал взглядом «ешь, ешь». Наташка знала, что это нужно. Силы на поверхности понадобятся. Но не могла: в животе ныло и ныло, а каша казалась безвкусной.

* * *

К огню подошел еще один диггер. Караванщик – среднего роста, худой, как щепка, в потертом плаще, слегка сутулый – осмотрел сидящих у огня, но садиться не спешил. Его взгляд остановился на высоком и лысом, которого звали Убер.

– Что это трепло здесь делает? – громко, для всех, спросил караванщик. Наташка напряглась. Неужели будет драка?

– И тебе не болеть, Кузьмич, – сказал Убер.

Караванщик с сомнением покачал головой.

– Не бойся, – подбодрил его Убер. – Присаживайся к огоньку. Солдат ребенка не обидит!

– Какой я тебе ребенок? – Кузьмич насупился. Наташке караванщик действительно показался очень старым, может, даже старше ее отца. Лицо в шрамах, суровая складка между бровей, ожог на правой щеке. Седые пряди.

– Ты юн душой, Кузьмич. Все это знают. За этой суровой выщербленной гранитной плитой, что ты называешь своим лицом, таится беспощадная нежность.

– Убер, блин! – диггер сорвался. Шагнул вперед, сжимая кулаки. Глаза сверкали. – Я тебя когда-нибудь прибью!

Убер встал и раскрыл объятия.

– Да-да, это я. Как же я рад тебя видеть, брат Кузьмич! Давай обнимемся, старый толстый жмот!

– Заткните его кто-нибудь, – почти жалобно попросил Кузьмич. Диггеры вокруг хохотали. Наташка наконец сообразила, что это такая полуигра-полуперепалка.

Новоприбывшие достали продукты, поделились с хозяевами, получили в ответ кулеша. Потом стали пить чай и готовиться. Сегодня весь день отсыпаться и отъедаться, а вечером, как стемнеет, выступать.

Высокий Убер быстро покончил со своей порцией и снова начал болтать. Только теперь он завел речь о другом.

– А про Апрашку вы слышали?

– О нет, – сказал Кузьмич. – Только не это!

2. «Демон Апрашки»

– В Апрашке, – сказал Убер, – раньше рынок был – дремучий, дикий. Там каждый двор держали то афганцы, то азеры, то молдаване. В подвалах сидели, добро держали, деньги копили. Когда Катастрофа случилась – ни один человек из Апрашки в метро не побежал. Ни единый. За добро держались. Все там и остались, – Убер вздохнул. – Жуткое место. Там, правда, и подвалы были – так что, может, кто и выжил во время удара. Не знаю.

Но кто выжил – не к добру. Это я вам точно говорю.

Там, говорят, самый страшный – выглядит как ветхий старичок в азиатских одеждах, в потертом восточном халате и в тюбетейке. Но это иллюзия, конечно. Кто встретится с ним взглядом – прости прощай. Диггер Федоров так и пропал. А какой был диггер! Отчаянный, удачливый, щедрый, крутой. Седой, помнишь Федорова?

Седой что-то пробурчал. Потер бугристый неровный затылок ладонью.

– Кузьмич? А ты?

– Да помню, помню, – глухо буркнул Кузьмич.

– В тот раз Федоров выжил, – продолжал Убер. – Всю его команду покрошили тогда демоны Апрашки – опытных диггеров зарезали, как баранов.

Рассказывают, кровью пол-улицы было залито. А Федоров отбился. Все патроны расстрелял, нож затупил к чертовой матери, руки разбил в кровь, кусок мяса с икры потерял – но выбрался. Я же говорю, он крутой был мужик.

И только в последний момент, когда он оттуда уходил… Не надо было ему оборачиваться. И встретился он взглядом с главным демоном. Старик-азиат.

– И что?

– А ничего. В том-то и дело. Посмотрел на него «старичок» и ушел. А вернулся Федоров с заброски – подлечился, подкормился, в себя пришел. Да не совсем…

– Как это?

– С виду ничего не изменилось, но стал вдруг он жадным, прямо человек-хомяк, все под себя гребет. Страшно и жалко смотреть. А потом и внешне начал меняться. Был квадратный шкаф – стал худая щепка, в чем душа только держится. Почти ничего не жрет – экономит. Водки не пьет – экономит. Курить и то бросил – экономит. Мне, говорит, по долгам отдавать надо. Кому отдавать, зачем? Какие долги? У него сроду долгов не было.

Федоров молчит, только трясется и глаза блестят хитро и подозрительно, словно я у него украсть что хочу, а он это видит. И главное, знаете, рисовать он начал.

– Рисовать? – Кузьмич.

– Рисовать, да. Еду покупать – денег жаль, украдет лучше, а краски покупал. И малевал целыми днями портреты на стенах метро. Мы сначала ничего понять не могли. Кого он рисует? А потом доперли. Все жуткий старичок у него получался – тот самый демон с Апрашки.

И где Федоров нарисует старичка, туда деньги прут. И добро возами.

В тупичке нарисовал портрет, жители тупичка ругались сначала – а им вдруг патронов и тушняка привалило. Словно весть счастливая. И зажили! Пока через пару дней не померли все, в дыму задохнулись. Пьяный тряпки пожег, а с ними и всех соседей.

И такая череда дурных совпадений пошла – словно круги по воде. Тогда и доперли. Все портреты эти. Демон главный. И тогда мы начали портреты стирать, а Федорова искать.

Нашли – помнишь тот тупичок его? Он там лежит. Скелет, заваленный патронами. Скупой рыцарь апрашкинского ордена. Умер от истощения, когда мог полстанции скупить. Так то.

Теперь, говорят, апрашкинцы уже и до Сенной доходят. Совсем распоясались демоны.

– Нет, робяты, вы как хотите, – подвел итог Убер, – а на Апрашку мне ходу нет. И вам не советую. Кстати, Кузьмич…

Угрюмый диггер повернулся. На правой щеке у него был след ожога.

– Чего тебе

Убер продолжил:

– Кузьмич, а ты случайно не к Марсову полю идешь?

– Мм? Не твое дело, лысый черт.

– Да знаю, что туда. Ты только к турнику там не подходи.

Кузьмич опешил. Вокруг засмеялись.

– Чего?!

3. «Мертвый Скинхед»

– К турнику, говорю, не подходи, – предупредил Убер. – Приплющит так, мало не покажется.

Кузьмич повертел головой. Не то чтобы его тянуло сделать пару подтягиваний в «химзе», противогазе и с огромным баулом за плечами, но… сам факт.

– Ээ… почему? – спросил нехотя.

– Аномальная зона, – туманно пояснил скинхед. – Про Мертвого Скинхеда слышал?

– Про кого? Что ты мелешь?!

– Скинхед Виталик. Мертвый. Ходит с ножом в сердце, вот отсюда торчит рукоять, – Убер показал. – Какой-то дешевый кухонный нож… Виталик всегда появляется с белой болонкой – грязной, мертвой, на поводке. Он ее волочит за собой и иногда кличет: «ко мне, ко мне, хищная тварь».

Увидев живого человека, Виталик подбегает и выбрасывает руку с криком «Зиг Хайль».

Если ты молчишь, Виталик бегает вокруг тебя со зверским лицом, кричит что-то и норовит пнуть под зад. Но это, в общем, неопасно, только сильно раздражает. Побегает, побегает – и убежит куда-нибудь. Смотришь, он уже пропал, только след в пыли от мертвой болонки, которую волоком тащили… И все, прощай Виталик.

Если же на «Зиг Хайль» ты ответил тем же, то – ты пропал. Виталик берет тебя «покачаться на турнике». И все, можешь читать отходную, поганый нацист.

Кузьмич опешил.

– Почему сразу нацист-то? – обиделся он.

– А кто еще на «зигу» автоматически ответит «зигой»? – резонно заметил Убер.

– Ээ… хмм. Верно.

– В общем, зиганешь разок – и все. Кранты. Будешь висеть на турнике, пока не сдохнешь… Мы пару раз находили высохшие трупы на турниках. Умерли, а за

перекладину продолжали держаться. Настоящие арийцы, ага!

– Тьфу на тебя, – сказал Кузьмич в сердцах. Отвернулся от скинхеда и начал есть.

4. «Неразменный патрон»

После завтрака отец повел ее знакомиться с диггерами. Многих он знал, многие знали его. Убер оказался командиром «красных скинов» и старым знакомым отца.

– Это кто? – спросил Убер, глядя на Наташку. Голубые глаза его улыбались. – Что за пацан?

– Сам ты пацан, – огрызнулась девочка. Ей самой не нравилась короткая стрижка, но что поделаешь. Скинхед засмеялся, поднял ладони.

– Ну-ну, не обижайся. Ты все равно красотка.

– Наталья. Дочь моя, – представил отец. – Единственная. Вот, смену себе готовлю. Сегодня первая «заброска». Обучу ее, потом дело передам свое. Караваны водить будет.

– А жена твоя где, Игорь? А сын?

Отец молчал. Убер понял и кивнул.

– Прости, брат. Светлая память.

– Да, – сказал отец. – Да.

Наташка увидела, как плечи его едва заметно дрогнули. После смерти мамы и брата отец стал тревожным. Что-то в нем изменилось. А раньше он был безоглядно смелый и даже наглый – вот как этот Убер.

– Ух! – скинхед помедлил. – Так ты не пацан, а пацанка? Уважаю. Не забудьте отлить на «герму». На удачу.

– Это уж как положено, – сказал отец. Скинхед улыбнулся.

– Слушай, друг Наташка, – сказал он. – А ты слышала историю про неразменный патрон?

– Убер! Ты чего там опять сочиняешь? – отец забеспокоился. «Тревожный», опять подумала Наташка и устыдилась. – Ей отдыхать надо, а не байки твои слушать.

– Я хочу послушать, – сказала Наташка твердо. – Это ведь выдумка?

– Истинная правда, – поклялся Убер. – Все мои истории – истинная правда. Так хотите послушать? Садитесь и слушайте. Итак, неразменный патрон…

Наташка с отцом сели. От разогретых карбидных ламп шло приятное тепло. Скинхед устроился поудобнее и заговорил:

– Это такой патрон «пятерка». Калибра 5.45 для калаша. Гильза зеленоватая, словно окислилась давным-давно. На пуле небольшая царапинка и остатки зеленой краски – словно трассирующий. В общем, если вам такой попадется – осторожней.

Неразменный патрон потому и называется неразменным, что – зарядишь его, выстрелишь, а через некоторое время он у тебя снова окажется в кармане.

– Ну, так отлично же! – сказал отец. – Я бы хотел…

– Вы не поняли, – сказал Убер. – Расплатиться им нельзя. То есть, можно – но один раз. Больше он к тебе не вернется. А вот если выстрелить – во врага, то он снова тут как тут… То есть, если убил кого-то… или тяжело ранил.

– Идеально для убийцы, – раздался голос. «Опять этот Кузьмич», – подумала Наташка. Вот ему неймется.

– Да нет. Понимаете, дело должно быть – правое. Иначе он перейдет к другому. И возможно, попадет в тебя, – Убер помолчал. – В общем, сложное дело, эти волшебные предметы. Столько условностей, блин.

– Убер! Ты опять заливаешь? – спросил Кузьмич.

Скинхед развел руками.

– Я рассказал, вы услышали. А верить мне или нет – это уже ваше дело.

5. «Кровавый винзавод»

Смена караула. Диггеры снова бросили жребий, кто идет часовым, охранять лагерь. Выпало Святославу, помощнику отца.

Наташка решилась и подошла к Уберу.

Скинхед поднял голову. Наташка удивилась, до чего он длинный, – вот так, когда лежит на земле, вытянувшись. Огромный просто.

– А! Чего тебе? – спросил Убер. Он широко зевнул.

– Меня зовут Наташа, – зачем-то сказала она. «Дура, дура».

– Я знаю, – мягко сказал Убер. Улыбнулся ей. – Привет, Наташа.

– А это правда…

– Что именно?

– Вот эти все истории, что ты рассказывал… Это правда?

Убер поднялся на ноги, посмотрел на нее сверху вниз. Улыбнулся.

– Седой говорит, что так все и было, – сказала Наташка. Немного приврала, но суть ответа была именно такой: Убер никогда не врет.

– Седой говорит? Знаешь, что я тебе скажу, дорогая моя Наталья Игоревна?

– Что?

– Никогда не верь скинхедам.

– А тебе?

Наташка думала, что сейчас Убер скажет «а мне можно», но он снова усмехнулся.

– А мне – тем более.

Наташка повернулась, немного обиженная, и вдруг оступилась. Она начала падать – «дура, дура», но тут ее подхватили. Она даже испугаться не успела.

Убер поставил ее на ноги. Наташка поразилась скорости его движений. Кажется, он только что был в паре метров, а тут уже ловит ее в падении.

– Цела? – сказал скинхед. – Все, иди. Спать пора.

* * *

Она ворочалась, ворочалась, но так и не смогла уснуть. Стоило прикрыть глаза, как она видела чудовищ, что окружают ее на поверхности. Некоторые были до неба, а другие маленькие, смешные и жуткие. Наташка открыла глаза, села.

Она сунула руку в карман куртки. Что-то холодное, металлическое было там. Она сжала пальцы и…

Наверное, она изменилась в лице. Отец подступил к ней, наклонился.

– Дочка, что? Что, дочка? – в его голосе звучала тревога.

Вместо ответа она вытянула руку из кармана. На ладони лежал патрон – 5.45. Зеленоватая гильза. Знакомая свежая царапина на пуле. Неразменный патрон. Отец вдруг изменился в лице, заморгал.

– Вот так да, – сказал отец. Выпрямился. – Откуда это у тебя?

– Не знаю, – сказала Наташка честно.

– Нашла?

Наташка покачала головой. Нет.

– Спрячь, – велел отец. – И никому не показывай. Или… – он помедлил. – Или выкинь.

Наташка помедлила. Посмотрела на патрон. Неужели он действительно волшебный?

Она размахнулась, чтобы швырнуть патрон в глубину тоннеля, в темноту… Помедлила и опустила руку. Положила патрон в карман.

Может, он действительно волшебный?

Она помедлила, повернулась и пошла обратно к огню. Часовой, молодой диггер, смотрел ей вслед.

* * *

После сна – обед. Убер опять оседлал любимого конька.

– Ладно, хотите еще одну историю – напоследок? Вот уж точно истинная правда. Это не со мной произошло, если что. Мне один друг рассказал, но верить ему можно. Про Кровавый Винзавод все слышали?

– Убер, ты достал, – сказал Кузьмич. – Мы и так идем наверх, что тебе неймется-то? А?! Дай спокойно поесть!

– А я хочу послушать, – сказала Наташка. Все обернулись, до того странно прозвучал этот высокий срывающийся голос на фоне грубых мужских.

– Вот! – обрадовался Убер. – Слово женщины – закон в мужском обществе. Слушайте. Это сказка, рассказанная холодной и одинокой ночью в октябре, – начал Убер.

– Ты же говорил, правда?! – возмутился Кузьмич. – А почему тогда сказка…

– Слушай, не мешай рассказывать, зануда! Каждая история требует своей формы. Это сказка, рассказанная холодной и одинокой ночью…

– Один мой друг, назовем его, скажем, Костя. Костя был старым опытным диггером, провел не один караван, это точно. Много караванов. И вот однажды дали ему задание… Один метрошный богатей захотел выпить старого вина – по-настоящему старого. Вроде все просто, сейчас любое вино может считаться старым, но… Если вы не знали – отличие хорошего вина от плохого: хорошее за двадцать лет станет еще лучше, а плохое превратится в уксус. Богатей пообещал огромные деньги за одну-единственную бутылку.

И решил Костя рискнуть. Отправиться в то место, где действительно можно выбрать вино. Винзавод…

– Винзавод? Так он же далеко от города? – сказал Кузьмич. – Какой дурак туда попрется?

– Вот ты торопыга, Кузьмич. Безумству храбрых, и так далее… Не хочешь – не слушай, а врать не мешай. Отправился Костя на тот Винзавод. Взял с собой еще одного диггера в напарники, старого и проверенного.

Долго ли, коротко ли. Шел он, шел, стер железные башмаки… три раза! И добрался Костя с напарником до этого Винзавода. Знаете, такое огромное красное кирпичное здание. Его, наверное, еще при царях построили. Лет двести-

триста назад, если не пятьсот.

Шли диггеры по ночам, днем отсыпались. И дошли до этого красного Винзавода.

А там под этим зданием – огромный подвал для хранения вина. Спустился Костя с напарником вниз. А там темнота, огромные стеллажи и – со всех сторон ряды бутылок. Представьте, все эти долгие годы после Катастрофы они хранились в идеальной температуре. Это не просто хранилище, это специальный подвал, температура круглый год одна и та же, влажность, то се. Идеальное место для вина. Вот идет Костя, а за ним напарник.

И вот они идут по коридору между этих стеллажей, бутылок. И потом вдруг замечают, что… то ли звук, то ли шевеление в темноте… И стало им не по себе. А Костя – он ведь старый диггер, многое повидал. У него чутье. И начало ему вдруг казаться, что бутылки эти на него внимательно смотрят. И впереди – словно красноватый свет. И чем дальше – и фонарь уже не нужен, потому что свет все сильнее и ярче. Со всех сторон. А бутылки смотрят и смотрят на Костю.

И нет бы ему повернуть, но куда там… Гордость профессиональная заела. Такой путь проделать – и отступить в самом финале?! Еще чего! Самое дорогое вино – оно же в дальнем конце погреба всегда хранится.

И Костя дошел. Оглядывается – а все бутылки вокруг испускают красноватый свет. Такой зловещий и тревожный. И там в конце деревянный стеллаж с бутылками.

Самое ценное вино.

Костя взял одну, посмотрел на этикетку. Там вино – тысяча восемьсот пятидесятого что ли года. То есть, этой бутылке – почти двести лет!

И все бы хорошо, но вдруг – в бутылке что-то шевельнулось. Костя едва бутылку не выронил. Он стер пыль с бутылки, поднял фонарь и видит – внутри словно что-то есть.

– Костян! – окликнул его напарник. Посветил фонарем на стеллаж. И увидели диггеры, когда луч фонаря прошел сквозь стекло бутылок, что в каждой… в

каждой!.. бутылке что-то есть. Темное, прилипшее изнутри к стеклу. И что-то вроде щупалец мелких.

И вдруг они все начали шевелиться, в каждой бутылке.

Напарник крикнул – отходим, Костян!

Костя не удержал бутылку. Она выскользнула из рук – и разбилась. В темной луже он вдруг увидел, что лежит – что-то вроде черного осьминога… или там кальмара… Только глаз у него – почти как у человека. И все они из бутылок смотрели на диггеров, пока они шли. И это существо вдруг дернуло щупальцами. Костя отскочил.

Костя наставил автомат, крикнул напарнику, что надо уходить.

А бутылки вокруг трясутся, словно от землетрясения. Красноватый свет дрожит и дергается.

Кальмар из лужицы вдруг зашевелился, подтянул под себя щупальца – и прыгнул на напарника Кости.

Тот как заорет – нечеловечески. Костя бросился на помощь, начал отрывать, стрелять. Пуля снесла мелкое чудовище – и разбила еще несколько бутылок. Оттуда тоже полезли еще мелкие чудовища. И прыгнули на напарника – он ближе был. Он упал. И все, не поднялся.

Хорошо, что Костя не стал стрелять очередями, – а то выбрались бы десятки и сотни этих чудовищ. То есть, в каждой бутылке в этом подвале были заключены твари. Может, и до Питера бы добрались… кто знает.

Костя пытался спасти напарника… бесполезно, того сожрали. Одна из тварей разорвала противогаз на Косте и ухватилась за его длинные волосы.

Костя развернулся, выдрался с мясом и побежал. Бесславно вернулся домой.

– То есть, заказ он не выполнил? – спросил Кузьмич.

– Да нет, история хорошо заканчивается. По пути обратно встретился Косте маленький магазинчик. А там вино. Бывает же совпадение. Костя опасался его брать, его аж трясло, но оказалось, вино не очень старое и ничего там в бутылке нет, кроме вина.

Вернулся Костя и принес бутылку нанимателю. Получил деньги – не те, на что рассчитывал, но нормальные. И стал жить дальше.

Но с тех пор Костя завязал. Перестал на поверхность ходить. Диггер, что хотя бы раз испугался, больше не будет диггером.

Если раз испугался – нужно вернуться обратно и перебить страх.

– И что, он вернулся туда?

– А вы знаете, вернулся. То есть, вон он год не ходил, два не ходил. А на третий – собрался и пошел. В одиночку. Пришел и сжег этот завод к чертовой матери. Загнал в него цистерну загустевшего бензина. Рвануло так, что из Питера было видно.

Костя вернулся обратно в метро. Только, говорят, обгорел сильно и поседел весь. До этого у него была длинная грива волос, а с тех пор он стригся очень коротко. Чтобы не повторилось. Волосы ведь свои фиг оборвешь, если надо.

В общем, конец истории.

– Вот до чего гордость доводит, – сказал кто-то из диггеров.

– Скорее жадность.

– Глупость, – сказал Кузьмич жестко. – Глупость и гордыня.

Наташка подумала, что он категоричный дурак, а диггер Костя – тоже дурак, но какой-то… романтичный, что ли.

* * *

Она пошла обратно, привалилась к теплой спине отца. Надо было поспать хоть немного перед «заброской». Она долго лежала, пока не начала задремывать…

Проснулась словно от удара. Патрон, который она, сама того не зная, сжимала в кармане, врезался в ладонь до боли. Наташка с трудом разжала пальцы.

Паника. Внизу живота все сжалось от тревоги. Наташка подняла голову, огляделась. Глаза со сна плохо фокусировались – тусклый свет карбидки плыл и изгибался, словно живой.

Наташка увидела, что в проеме тоннеля стоит человек. Сердце стукнулось, в горле пересохло. Она заставила себя отвести взгляд, медленно лечь на пол. Сердце колотилось, как бешеное. Что делать?! Перед ней, метрах в полутора, загораживая ее от взгляда человека в тоннеле, лежал Седой.

– Седой, – едва слышно, одними губами, позвала Наташка. Неужели он не услышит? А если громче, человек в тоннеле поймет, что его обнаружили, и начнет стрелять.

– Седой.

Седой открыл глаза и посмотрел на Наташку. Железные нервы, коротко позавидовала девочка. Глазами показала – опасность вон там, за тобой.

Седой прикрыл глаза «понял», локтем толкнул Убера. Скинхед дернулся, проснулся.

– Что? – недовольно заворочался.

– Там, – сказал Седой негромко.

Убер замер. В следующее мгновение он оказался на ногах, вскинул дробовик. Рядом тут же оказался седой скинхед, навел автомат.

– Тревога! – крикнул Седой громко. – В ружье!

Никогда еще Наташка не видела, как диггеры реагируют на угрозу, а тут увидела. Мгновение ока – и спящие, казалось, глубоким сном люди, помятые, расслабленные, пожилые, молодые, всякие, вдруг превратились в бойцов. Лагерь ощетинился оружием.

Отец тоже вскочил и начал целиться из старого «калаша». Наташка поднялась на ноги. Несколько долгих мгновений длилось ожидание. А потом из тоннеля ударила очередь. Наташка увидела вспышки, грохот ударил по ушам, словно молотком по железному листу…

Наташку толкнули в плечо, сбили с ног. Она покатилась по платформе.

Ударила очередь. Рядом с ее лицом пули выбивали куски из бетона. Взвизг. Искры.

В следующий момент ее сбили с ног и прикрыли телом. Тяжесть придавила ее к земле.

– Лежи, дурочка, – зло прошипел кто-то. Кузьмич, узнала Наташка. Теперь диггер не казался таким старым, наоборот, его лицо выглядело совсем мальчишеским. Она с силой его оттолкнула.

Кузьмич перекатился в сторону и протянул ей пистолет.

– Умеешь?

– Да.

Она кивнула. Поняла, что он уже не смотрит. Кузьмич встал на колено, прижал автомат к плечу и стрелял коротко, по два-три выстрела. Она встала рядом с ним – подняла пистолет и прицелилась. Отщелкнула предохранитель. Тоннель. Вспышка. Силуэт. Туда! Наташка удивилась мимолетно своему спокойствию, выдохнула и плавно выжала спусковой крючок.

* * *

Бой занял несколько минут от силы. Бандиты потеряли четырех человек и бежали – поняли, что нарвались не на тех. Видимо, они рассчитывали застать диггеров спящими. Знали, что они перед «заброской» всегда почти сутки отсыпаются. Легкая добыча.

– Кто это был? – спросил Убер. В ходе схватки диггеры не понесли потерь, только рыжего слегка ранило осколками бетона. Его перевязали наскоро, он ходил с черной лентой через лицо, как пират.

– Банда Волка. Их почерк.

– Часовой? Кто на часах остался?! – возмутился диггер с повязкой. – Раззява!!

– Убит. Горло перерезали, – коротко сказал Седой, появляясь из темноты. – Кажется, это ваш, – обратился он к отцу Наташки.

– Ах ты, черт.

Отец вздрогнул. Наташка прошла за ним в тоннель. Лучи фонарей прыгали по стенам. С перерезанным горлом лежал Святослав – помощник отца, недалекий угрюмый парень. На лице его было удивление. Его очередь была стоять часовым – и его очередь была принять смерть.

Единственная жертва бандитов. Святослав был лентяй и дурак, но почему-то от этого было еще больнее. Даже лентяи и дураки лучше живые, чем мертвые. Зачем ему только понадобилось так глупо умирать?

Наташка повернулась и пошла обратно, к свету.

* * *

Скинхед лежал, как он любил, вытянувшись во весь рост и закинув сильные руки за голову. Он был привычно обнажен по пояс, на плече темнела татуировка. Глаза закрыты, но Наташка сразу поняла, что Убер не спит. Притворяется и при этом знает, что она рядом.

– Убер, – позвала Наташка. – А Кузьмич очень старый?

– Этому твоему крутому старому Кузьмичу – лет восемнадцать, – сказал Убер, не открывая глаз. – И это в лучшем случае.

– Как?!

– Время такое, – сказал Убер. Он лежал с закрытыми глазами и говорил. – Дети взрослеют рано. Вот тебе сколько? Тринадцать?.. Ты чего хотела-то?

– Убер, – сказала Наташка. – Я хотела сказать…

– Ну что?

– Я думаю, все твои истории – правда. Честное слово!

– Да? – Убер, кажется, удивился. – А почему ты так думаешь? Честно говоря, даже я в этом не уверен.

Наташка помедлила и решилась. Достала руку из кармана. Металл приятно холодил пальцы.

– Смотри, что у меня есть.

Скинхед открыл глаза и некоторое время разглядывал то, что лежало на ее ладони.

– Патрон, – сказал Убер с непонятной интонацией. Поднял голову. – Неужели тот самый?

– Тот самый.

Убер даже потрогал его пальцем. Хмыкнул, лег обратно, закинул руки за голову. Закрыл глаза. Наташка растерянно заморгала. И это все?!

– Убер… – позвала она. – Он и правда волшебный?

– Девочка, этот патрон я сам тебе в карман положил.

– Что?! Как?

Она вспомнила, как Убер помог ей подняться в тот раз. Получается, именно тогда он проделал свой фокус.

– Зачем?!

– Иногда чудо нуждается в проводнике, – ответил он туманно. – Понимаешь? Когда-то древние люди придумали истории, чтобы передавать друг другу знание, как убить бизона… Но иногда нужно рассказывать истории не только о том, как лучше охотиться на бизона. А о том, какой красивый этот бизон. Или какой опасный. Или о том, что бизон думает. Или о том, что охотник думает о бизоне. Не все истории практичны. Возможно, самые лучшие истории как раз о том, что не имеет практического смысла. О волшебстве и храбрости. О справедливости.

– Что? – Наташка поняла, что окончательно запуталась в словах Убера. Но ведь этот патрон действительно спас им всем жизнь? Или нет?

– Не все мои истории правда, – сказал скинхед. – Так понятнее?

– Нет?

– Не все. Но некоторые – даже больше, чем правда, – Убер открыл один глаз и подмигнул ей. Наташка не выдержала и прыснула.

– А теперь иди отдыхай, – сказал скинхед. – Скоро выдвигаемся – и вы, и мы. Кстати, знаешь, как зовут твоего Кузьмича? Константин Кузьмичев. Костя. Мы с ребятами посовещались и решили, что он пойдет с вами – в этот раз, вместо вашего Святослава. Твой отец согласен.

– Костя? – она вдруг поняла и открыла рот. Так вот откуда ожог на лице! И седина… и шрамы…

– Да, – сказал Убер. – Чудо делают люди. И справедливость несут люди. А патрон… это всего лишь патрон. Но офигенная история, верно?

– Да, – сказала Наташка. – Да.

Игорь Вардунас

Бесы

– Тринадцать.

– Чего?!

– Что слышала.

– Прошлый раз было восемь…

– И другое кое-что было.

– Пошел ты, гандон.

– Ну и вали, откуда приползла, сука.

– Ладно. Ладно, хорош. Вот.

– Умница дочка.

Чвякнула липучка набедренного подсумка и в стиснутую затертой кожей перчатки ладонь ссыпалась горсть драгоценных патронов. Как знала, что заначка сгодится.

– Подавись.

– Уй-уй, какие мы. А может…

Лицо не знакомо. Видимо новенький. Не выдержала, схватила за слипшуюся от жира бороденку, двинула сначала в морду лбом, потом в пах коленом… Хрустнуло. Зазвенела по бетону рассыпавшаяся «валюта». Всхлип, мат, перегар…

Перегар… Эхо того, что мы однажды пили, под названием «жизнь».

– Грххх… Ах ты ж ссука!

Прилетело прикладом. Рухнула…

Спазм…

Сапогом по ребрам.

Тишина…

Никого.

Хорошо.

Так бы всегда.

Навсегда.

Никто точно не знал, откуда она приходила.

Но каждый раз именно с той стороны. Из того района изнасилованного войной, укутанного низкими тучами Питера, где априори ничего не «росло». Не могло быть и выжить. Слепые коробки да пересушенное озеро «Долгое», которое так когда-то любили все местные. Королев, Сикорский. Гордый Комендантский аэродром…

Когда-то давно.

Тогда. В другой жизни. Тысячу лет назад… А, нет.

Всего двадцать.

А она все приходила. Не часто. То раз в пару недель, то два за три месяца. На что жила, чем питалась, – была загадка на фиолетовой ветке питерского метро, когда-то бывшей оранжевой, а теперь еще и конечной. Все знали, что на «Коменде», окраина же, на тот момент вообще располагалось последнее депо. Ан вот нет. Приходила же. Значит, кто-то был. Одной выжить просто невозможно.

Пошлину ставила исправно. Иногда, когда не хватало, стиснув зубы и обхватив за шею, сопела, вжатая в стену тоннеля с одним из дежурных, кому на жеребьевке повезло с проволокой покороче. Но в целом ни проблем, ни забот. Девка правильная. Ладная. Молчаливая. Платит-таскает. Таскает-платит.

Кто? Куда да откуда? Не все ли равно.

Но в этот раз мародерившая шалава реально перегнула палку.

Струя ледяной вонючей воды хлестко ударила по лицу, как лопатой, заставив надсадно закашляться. По ребрам словно саданули пилой.

– Спящая красавица, – насмешливо поинтересовался голос, постепенно обретавший знакомое звучание. – Добро пожаловать в дерьмовый мир обратно.

– Где я?

– В гостях. Только ведешь себя невежливо.

Ферзь, ну конечно. Следовало догадаться.

С невероятным усилием Ксюше удалось подняться на четвереньки. В висках тут же застучало, к горлу подкатила тошнота. Мокрая девушка судорожно закашлялась. Заржали. Несколько. Когда немного отпустило, она осторожно

оторвала руки от пола и выпрямилась, сидя на коленях и еще не решаясь встать с разящего мочой пола технического сортира. Неверными движениями быстро ощупала плотно обтягивающий тело термокомбинезон. Вроде не насиловали. Хоть в этот раз. Рюкзак, оружие и пояс с подсумками, конечно, исчезли. Запястья шнуром перевязаны.

– Трусы на месте, – словно прочитав ее мысли фыркнул знакомый голос, и Ксюша наконец посмотрела на Ферзя, кулачками убрав с лица налипшие волосы.

– Заткнись, – хрипло огрызнулась она.

– Велкам, – отсалютовав зажатой меж пальцев незакуренной самокруткой, ответил облокотившийся о спинку развернутого задом-наперед стула Ферзь.

И почему он всегда напоминал ей Гармаша?! Был в прошлом такой актер. Хоть ей тогда и стукнуло всего-то шесть, а вот волевое, словно высеченное из гранита лицо незнакомого человека она почему-то запомнила. Ох как ей это качество потом пригодилось. Папа любил с ним один фильм, «Охота на пиранью», и все катал и катал его на компьютере… Или это была не ее жизнь? Ах, как бы хотелось.

И еще эти глаза из-под густых бровей. Всегда исподлобья. Умные, волевые, жестокие. Страшные. Только с ним когда-то она поняла, что такое настоящий мужик. А ведь в отцы годился. Когда-то она его любила, льнула. Теперь ненавидела лютой, всеобжигающей ненавистью, от которой ехала крыша и сводило скулы. Или… Никаких или. Правду говорили, что от любви до ненависти один шаг. Хоть и правда сейчас понятие относительное.

– Чего хотел.

– Я чего хотел? – искренне удивился мужик и переглянулся с двумя мордоворотами (один был тот самый с бородкой, нос у него налился лиловым и был похож на картошку – хорошо вмазала), в руках у одного из которых было пустое ведро. – Это ты чего моих пацанов обижаешь?

– А нехрен пошлину задирать.

– Я?

– У того вон спроси.

– Сколько.

– Тринадцать.

Ферзь повертел самокрутку в руках, неторопливо закурил, выдохнул. Не оборачиваясь спросил.

– Это правда?

– Ферзь, я… Николай Борисович, – замямлил рыжебородый и тут же рухнул от звонкого удара ведром по лицу.

– На пять лишних зажидилась?

– Мои вещи, – Ксюша постепенно приходила в себя.

– Эти-то, – девушка посмотрела в сторону, куда ткнул самокруткой Ферзь, и увидела в углу у двери сваленные в кучу рюкзак с химзой и пояс. «Пернача» с автоматом, естественно, не было. – Да вот же они, а что?

– Отдай.

– Э-э-э, брат, – досмолив, Ферзь нагнулся и неторопливо затушил бычок о лоб вырубленного бородатого. – Ты сначала мне скажи, куда лыжи навострила.

– Транзитом, в Торговый город, – не сводя взгляда с распростертого тела, тихо ответила Ксюша.

– Ах в Город. Вон оно как. А че не на Фрунзенскую, или Ворота, м? И кому же ты это все несла, а? – поднявшись, Ферзь брезгливо вывернул рюкзак – на пол посыпались какие-то игрушки, тряпье, полуистлевшие книги. Стыдливые трупики былых вещей.

– На продажу, – отвернувшись пробормотала Ксюша.

– Что?

– На продажу! – девушка вскинулась, смотря прямо в глаза.

– А я думал, «Атмосферу» уже вычистили давно, – швырнув пустой рюкзак в девушку, Ферзь полоснул ее путы ножом и вернулся на стул. – Или по ларькам побиралась? Шавуха-то жива еще? Ой, прости, о еде завел. Эк тебе жрать-то захотелось, мать, что ты уже говном для отребья фарцуешь. Репутация не страдает? Нет чтоб себя предложить…

– Слушай, ты, – вскочила Ксюша и застыла, смотря в черный зев вороненого ствола.

– Очень внимательно, – щелкнула собачка предохранителя. – На колени обратно. Вот так.

– Отпусти.

– Рад бы…

– Но?

– Пустить бы тебя сейчас через всех моих мужиков, а я посмотрю, что скажешь, м? Тушла небось охота. Охота ведь, а? Жрать-то. Ням-ням. То-то. А у меня ведь есть, много. Но и поработать, мать, придется. Смотрю вон все еще ладненькая, и попка как пирожок.

– Ненавижу.

– Знаю, – вздохнул Ферзь. – Но за свое поведение нужно платить.

– Чего ты хочешь?

– Да думка тут одна есть, – в руках Ферзя возникла банка военной тушенки, которую он ловко вскрыл ножом, ударив по рукояти ладонью, и по сортиру, перебивая застарелую мочу, разлился восхитительный запах говядины.

Ксюша с предательским стыдом ощутила, как рот стремительно наполняет слюна.

– Только не скули, – снизошел Ферзь и кинул еду ей под ноги. – Приятного.

Поборов остатки самообладания, девушка подхватила банку и, сунув в нее порезавшиеся о края пальцы, стала запихивать душистое мясо в рот, даже не замечая, что ест его с собственной кровью.

– Отодрать бы тебя и в хвост, и в гриву, – мужчина смотрел, как она ест практически не глотая. – Как тогда, помнишь? И декорации те же. Ностальгия. Да настроение хорошее, зараза. Ты хоть жуй, мать. Растягивай. А то ведь действительно отрабатывать заставлю.

– Говори.

– Что еда с человеком делает, – нравоучительно покачал головой Ферзь. – Вот будешь слушаться, получишь и второе и компот.

Пустая банка откатилась по полу, а Ксюша утерла рот тыльной стороной ладони, размазывая по нему кровь. Жадно облизала пальцы.

– Ну прям Джокер, – усмехнулся мужик и кинул девушке разящую маслом тряпку. – Вытрись и не усердствуй, еще возбужусь. Короче. Кое-кто из Кировцев, имя тебе ни к чему, тут внезапно, неи с горы ни с села, в Боженьку нашего уверовал. И было ему в пьяном угаре видение, мол церквы разграблены, землюшка русская кровушкой умытая стонет. И явилась ему Богородица, де иди, забери икону мою с кладбища Серафимовского, да намолись на нее, будет де тебе Благословение Божье. Прикинь? Ну не мудак, а. Хотя бандосы – они все такие.

– Сам кто.

– Тю-тю-тю. На поворотах-то осторожнее, мать. Эта штука и выстрелить может.

– Дальше.

– А дальше все просто. Заходишь. Берешь. Выходишь. М? Алгорифма ясна?

Осталось просто кивнуть.

* * *

Питер.

Старый вымокший бомж.

Вязкие тучи. Низкие, настолько, что кажется, будто касаются слепых многоэтажек. Неподвижные, застывшие, словно кто-то нажал на «паузу». Из этого уравнения выкинули время. Наверное. Навсегда.

Шлеп-шлеп, обегая лужи, в которых дрожала луна.

Плачущее небо под ногами.

Раньше он пах осенью. Теперь резиной и поношенным фильтром. Отстукивающим в висках буханьем собственного дыхания. Пульс трупа.

Нас больше нет.

Вперед.

Не сбавлять.

Еще. Еще.

Бегом.

Быстрее.

Успею.

Храни Изначальный Сталкер.

Серафимовское. То самое. Отцы, деды, прошлое. Замаринованная жизнь, навсегда скатившаяся в вечность. И войти в нее теперь непросто так можно. М? Совсем.

Хлорка. О, хлорка. Много хлорки. До ебеной матери… А без нее на кладбище не пройти. Отбить запах крови. Человека. Самого себя.

Химия заменила жизнь.

Учуят.

И сбежать не получится.

Вперед.

До церквушки всего ничего.

Дойти бы.

Успела, вломилась, пропахав носом по полу, похороненная под летящей дверной стружкой.

Икона.

Да вот же она.

Ну привет, матушка.

Взять, быстрее. Да чего ждать-то…

Под потолком заскребло. Застучало копытцами, спускаясь, большое, тяжелое, страшное. В пистолете еще оставалось. Раз, два… Ну хоть на третий… Но удар жала все-таки пропустила, закричала, снова повалилась кулем, перемазанная ядом и собственной кровью.

Тварь побилась и затихла.

Ксюша схватила икону. Прижала. Сокровище. Достала. Нашла.

Не увидела покачивающиеся под сводами коконы. Не заметила и движения в стороне.

Баюкая Богородицу в слабеющих руках, закрыла глаза, пока ее быстро-быстро оплетали белесые тягучие нити.

Юрий Харитонов

Своя душа – потемки

За восемь лет до известных событий…[1 - Имеются в виду события романа «На краю пропасти»]

– Твою ж налево! Яр! Ну кто тебе такое сказал?! – отец стоял над вжавшимся в угол комнаты Ярославом и пытался достучаться до замкнувшегося в себе и плачущего навзрыд ребенка. – Кто?! Расскажи мне, и я им всем Кузькину мать устрою!

Но ребенок не слушал. Он натянул черную вязаную шапку на глаза и уткнулся лицом в колени. Крупная дрожь сотрясала его тело, а слезы обиды никак не могли остановиться. Он хотел спрятаться, исчезнуть из этого мира в какой-нибудь другой, чтобы и памяти о нем не осталось в Юрьеве, в этом городе, не жалующем необычных детей. Ну почему они так с ним? Почему?! Тяжелая рука опустилась на спину и погладила. Ярослав дернулся, как от огня, пытаясь сбросить ее с себя. Но не получилось. Отец настойчиво возвращал руку обратно

и гладил, гладил ребенка, чтобы Яру стало хоть чуть-чуть легче.

Наконец мальчик устал бороться, и отец смог притянуть его к себе. Крепко обнял и сидел так еще около часа, пока обида не стала отходить на задний план. И потом, когда сын затих и не двигался, отец все не отходил, обнимая свернувшегося в комочек маленького любимого человечка. Потом, поняв, что Яр уснул, бережно подхватил его и отнес на кровать. Укутал одеялом и тихо-тихо проговорил:

– Ты должен рассказать мне, кто это сделал!

– Зачем? – еле слышно сквозь дрему пробормотал Ярослав. – Чтобы вместе с тварью стать еще и стукачом?

Отец прижал ко рту кулак: так громко и так неистово ему хотелось сейчас кричать. И было обидно и больно за Яра, у которого жизненный путь начинался в атмосфере всеобщей неприязни и нелюбви. Даже дети, и те поддались ксенофобской мании взрослых, и теперь с неимоверной маниакальностью старались в любой удобный момент уязвить ребенка.

А мальчик – верх великодушия! Никогда не реагировал на попытки детей вызвать в нем гнев, ведь понимал, что из-за этого будут проблемы у отца, а тот и так слишком долго защищал мальчика, устраивал разносы главе Города и неоднократно колотил некоторых взрослых, которые не могли держать себя в руках и сочились ненавистью к ребенку. Яр лишь глотал обиды, а потом долго и непрерывно плакал часами, выливая обиду слезами. Был, конечно, единственный раз, когда Яр сорвался и подрался с сыном главы Города, но тот случай удалось замять, правда, Сергей успел разбить морду Грому, когда тот попытался защитить главу от чересчур взъерепенившегося сталкера.

А что мог сделать отец? Сергей Анатольевич Карпов был слишком занят и не мог, как ни хотел, постоянно быть с ребенком. Мать, наверное, справилась бы лучше в этой ситуации, нашла бы правильные слова, успокоила ребенка, но… она слишком рано покинула их. Младенцу еще и двух лет не исполнилось, как неизвестная лихорадка забрала мамочку на тот свет.

– Вера, Вера… Зачем ты так с нами? – прошептал Сергей в потолок, совершенно отчетливо понимая, что жена ни в чем не виновата. Мир стал другим – более

свирепым и жутким. И даже внутри крепостных стен человек не мог чувствовать себя в безопасности. Да – за стенами жили одичавшие кошки и собаки, но внутри частенько свирепствовали болезни, от которых даже врач не всегда мог спасти. Лекарства, что тащили из окружающих руин города в Юрьев, все без исключения были просрочены, а новых взять неоткуда. Вот и доктор лечил тем, что попадет под руку. Банки, как в старину, ставили на спину, туда же клали и разогретую мятую картошку, всяческие нарывы и язвы обильно мазались зеленкой и йодом – и это был верх медицины в Городе. А что делать? В маленьком городке на северо-западе Владимирской области и до войны-то не производили лекарств, а после уж и подавно: большие города оказались погребены под слоем пепла, а маленькие – уже десять лет к ряду старались выжить самостоятельно. Разживались курами, кроликами и тем, что вырастало за короткое лето на грядках. Картофель, свекла, морковь. И поборов однажды чувство брезгливости, начали есть огромных слизней, что попадались на влажных стенах катакомб под старым крепостным валом. Потом задумались и освоили ферму по их выращиванию. А что… Если не думать, из чего приготовлена еда, то можно запросто спутать того же слизня с курицей: мясо нежное и вкусное. Никто не знал, откуда взялись такие большие улитки, но раз они не нападали на человека, то соседство с ними не очень волновало людей – наоборот, они радовались, когда обнаружили еще одно съедобное животное.

Сергей вздохнул, вымученно улыбнувшись потолку и вспоминая светлую улыбку жены, которая никогда не выражала ужаса и отвращения от ребенка-мутанта, что у них родился. Вера всегда с трепетом и любовью брала на руки «рогатого» малыша, крепко обнимала и кормила грудью. Ярослав был для нее центром мира и объектом ее защиты. А теперь? А теперь его место занял Сергей, поклявшись на могиле жены, что никогда и ни за что не даст необычного мальчика на растерзание людям.

А меж тем в маленьком обществе нарастало недовольство детьми, рожденными с отклонениями. Сергей ощущал волнения и возрастающую к ним ненависть. Что-то назревало, как нарыв, но пока выхода не находило. Бог судья. Он постарается, чтобы мальчику ничего не угрожало.

Сергей укрыл десятилетнего ребенка одеялом, стащил с него шапку и поцеловал роговые наросты на лысой голове – то, что отличало Ярослава от сверстников, – и поднялся. Сегодня у мужчины есть дела. Надо срочно явиться на внеплановую планерку к главе Юрьева – Панову Юрию Сергеевичу, у которого была схожая семейная ситуация. Сергей помнил его умершую от рака жену, а вместе с

Громом помогал доктору избавить Митяя – его сына – от лишних, шестых, пальцев на руках.

– Спи, родной, я никогда не дам тебя в обиду, – сказал Сергей и вышел, прикрыв ржавую металлическую дверь из прутьев. Она лишь тонко-тонко скрипнула.

Как только шаги отца стихли вдали, а потом заскрипела наружная калитка, через которую жители покидали катакомбы и выходили во внутренний двор Михайло-Архангельского монастыря, Яр открыл глаза и некоторое время лежал, прислушиваясь. Тишину нарушал лишь храп, доносившийся из смежной комнаты. Жители катакомб давно стали соседями, когда после Войны заселили один длинный подземный коридор со смежными клетушками, так как в самом монастыре места для жилья почти не было, если не считать Михайло-Архангельского собора, который занял отец Михаил, и здания мужской семинарии, где обосновался Воевода со своей охраной. Трехметровой ширины коридор с аркообразным сводом скрывался под древним крепостным валом, окружающим четырехметровые стены Юрьева. От коридора отпочковывались симметрично друг другу помещения из кирпичной кладки, где и разместились семьи выживших. Хоть места не хватало и было тесно, но зато жили дружно. В одной комнатушке сосуществовали по две или три семьи, отгородившиеся друг от друга занавесками.

Мальчик слушал тьму: частенько до этого кто-нибудь ее нарушал. Либо проснувшиеся дети бежали в отхожее место, либо матери успокаивали своих чад, либо старики бормотали во сне. Иногда причитала какая-нибудь старушка, оплакивая погибшую дочь или сына, привидевшихся во сне. Сейчас же было как никогда тихо. Лишь где-то недалеко пищала мышь. Мальчик повернул голову к занавеске, разделяющей комнату на две, и понял, что Тимофей Иванович – старичок, разделяющий с ними жилье, спит. До Яра доносилось тихое посапывание.

Пора.

Ярослав встал с кровати и отыскал вязаную шапку, положенную под подушку отцом, и с удовольствием натянул ее на лысую голову. Он старался никогда не снимать головного убора, лишь отец пытался вытравить у мальчика эту привычку, но не понимал, что шапка для пацана – средство, с помощью которого

он скрывал свое уродство и с помощью которого отгораживался от мира, что его невзлюбил. Яр не собирался от нее отказываться. Она была для него защитой от недоумков, которые осаждали паренька каждый день. И чем меньше они станут лицезреть голову Яра, так сильно отличную от их, тем меньше маленькие издеватели будут вспоминать об уродстве мальчика.

Фиг им всем!

Ярослав сжал кулаки, вспоминая сегодняшнюю обиду, когда Митяй – чертов дебил! – обозвал его паршивым недоразвитым козлом, а остальные дети хором заблеяли, поддержав заводилу. «Никакой я вам не козел, уроды!» – прошептал мальчик и залез под кровать. Там он нащупал мешок, куда вот уже несколько месяцев складывал все самое необходимое, готовясь к походу. Этой весной он твердо решил убежать из Юрьева, подальше от этих… этих… Мальчик так и не смог подобрать нужного слова.

– Бе-е-е! Бе-е-е! Бе-е-е! – тихо передразнил обидчиков раздосадованный Яр. – Бараны и овцы! Стадо!

Он раскрыл вещмешок и еще раз пересмотрел содержимое, которое собирал несколько месяцев по всему Юрьеву. Тут были: маленький котелок, успешно стянутый с кухни, когда повариха отвлеклась; десятиметровый моток веревки – пришлось незаметно снять занавеску в дальней комнате у совсем дряхлого деда Николая, когда тот спал; немного отмотанной лески с крючками, что выделил Семен Васильев, промышлявший рыбной ловлей в Колокше; сухая вата и кремний в целлофановом пакете – непременно придется разжигать костер, не сырой же есть рыбу; и самым ценным в коллекции был здоровенный для мальчика армейский нож, широкое и острое лезвие которого внушало Яру уважение. Пацан хотел стыбрить еще и пистолет с луком и стрелами у Санька из стрельцов – защитников города, но мужчина так сильно переволновался, когда обнаружил пропажу ножа, что Ярослав передумал. Он и так весьма подвел человека: Саньку? еще и за нож взбучка будет, ведь все оружие выдавалось заступающим на смену бойцам и находилось на строгом учете у главы Юрьева – дяди Юры Панова, отца противного Митяя.

– Бе-бе-бе, урод! – вновь пробормотал Яр, вспомнив про обидевшего его мальчика.

Он присел на дорогу, и вдруг, вынув из-за пазухи старый, пожелтевший, но чистый листок и карандаш, написал:

«Па! Я так болше не магу! Ухажу искат другую жызнь и других человек. Они со мной будут лучше водится. Я лублю тебя. Твой сын Ярик.»

Еще раз перечитав и убедившись, что ошибок нет, Яр сложил из листка кораблик и поставил его на прикроватную тумбочку, чтобы было видно с порога. Мальчик еще немного посидел. На улице давно спустилась ночь, поэтому Ярослава очень сильно тянуло в сон, веки налились тяжестью и каждый раз норовили опуститься, но ребенок не давал им, с усилием разлепляя. По телу разлилась истома, и пацан стал медленно заваливаться на бок, погружаясь в сладостную негу здорового сна, но вдруг осознал, что сейчас уснет, и план побега придется отложить, поэтому Яр пересилил себя и вскочил на ноги. Сжал до хруста кулаки, замотал головой и несколько раз открыл и закрыл глаза, прогоняя сон.

Нет уж! Чтобы все получилось, нужно действовать! И Ярослав, подхватив рюкзак, вышел из комнатушки, слегка скрипнув решеткой, заменяющей дверь.

Стены монастыря остались далеко позади, и даже лампочки, висящие по периметру, исчезли из поля зрения. Ярос, улучив мгновение, когда Семен Васильев, дежуривший в эту ночь на северной башне, отвлечется на бросаемые мальчиком маленькие камушки, открыл тяжелую дверь (она всегда запиралась на щеколду, ведь еще не было безумцев, готовых выйти за городские стены в одиночку ночью) и выскользнул из города. Потом Яр перебрался через плотину, за которой соорудили водное колесо с каким-то механизмом, дающим Юрьеву электричество. А дальше у мальчика заканчивались любые знания о месте. С башен эта территория не проглядывалась, а посему в памяти Ярослава не сохранилась. Теперь придется идти в кромешной темноте и навскидку.

– Да уж, – пробормотал мальчишка. – Надо было свистнуть и фонарик.

Но теперь уже поздно. Вернуться, значит – продуть. Продуть Митяю и прихвостням, проиграть самому себе и навсегда принять то, что все твердят Яру каждый день: он урод, и никогда не станет человеком, как бы ни пытался.

А тьма давила на нервы. Сначала ребенок застыл, не в силах двинуться с места, не в силах заставить себя сделать хоть шажок в сторону полнейшей свободы, где он будет один на один с жизнью, такой желанной и такой несбыточной. Ведь в Юрьеве не жизнь, а сплошное прозябание. Не ходи туда, делай только это, а если ты урод, то вообще постой в сторонке от общественной жизни – тебя даже сверстники будут обходить, завидев издалека, чтобы, не дай бог, не стать похожим, не заразиться вдруг твоим уродством. А ведь это так легко… заразиться. Надо просто начать общаться с Яром, и тогда тебя заклеймят постыдным «друг урода» или «уродец урода», и будет очень трудно вернуться к тем, кто тебя клеймил. Они станут всячески унижать и травить заблудшую душу, выбравшую другую сторону, то есть Яроса.

Год назад уже такое случилось.

Леночка Новикова, эта маленькая, худенькая, но источающая жизнерадостность девочка, не приняла правила игры, за что и поплатилась. Она наперекор обидным прозвищам и упорному желанию Яра отгородиться ото всех, словно липучка приклеилась к мальчику и не отходила от него ни на шаг, как бы он ни пытался Новиковой объяснить, что водить с ним дружбу очень плохо. И команда слишком остроумных и язвительных скоморохов не заставила себя ждать. Лену то тут, то там встречали мальчики и девочки. Они обзывали ее ужасными взрослыми словами, толкали, били исподтишка, а в итоге кто-то из маленьких чертенят подсыпал девочке что-то в еду. Да мало ли что? Тут и выдумывать не надо: это мог быть и комок простой земли, а мог быть и кусочек вещицы умершего от неизвестной болезни человека. В общем, слегла скоро Лена с ужасной лихорадкой, которую даже врач определить не смог. А через три дня умерла, высохнув, будто мумия.

Мальчик винил в ее смерти себя, и когда при встрече Митяй посмел сыронизировать на счет нелепой смерти Леночки, тогда-то Яр и подрался с сыном Воеводы первый раз, не потерпев презрительного отношения сверстника к светлой памяти подружки.

С тех пор за урода и мутанта Яра взялись с тройным усилием и не давали мальчику прохода, хотя с этим он и так давно смирился и старался не подвести лишний раз отца. А буквально вчера его подловил Митяй с пятью парнями постарше и принялись издеваться, не выпуская из импровизированного круга, всякий раз отталкивая Ярослава внутрь, повторяя раз за разом обидные прозвища и недетские ругательства. Потом Митяй обозвал его козлом, а

остальные заблеяли, как стадо коз, отчего Яру стало почему-то так досадно, что он разозлился и оттолкнул стоящих на пути, а потом возвратился домой, уткнувшись в дальнем углу в собственные коленки. Он устал от злости, словно комок ядовитых змей заворочался внутри, нечто огромное и ужасное распирало теперь мальчика, и он боялся, что это зверь. Тот зверь, который частично уже вырвался наружу. Ведь роговые наросты неспроста росли на голове. Они были частью какого-то другого Яра, до поры до времени спрятанного, как и злость, глубоко внутри. Поэтому мальчик и ушел. Ведь если зверь вырвется на волю при людях, то будет катастрофа! И для мальчика, и для отца. А может и для остальных…

Яр упрямо сжал губы и, вытянув вперед руки, пошел вперед. Мальчику казалось, что он очутился в невероятном, несуществующем месте, где кругом лишь холодная чернота. Сколько Ярослав ни старался, сколько он ни напрягал зрение, но кроме тьмы – ничего. И ребенку невдомек, что в летние безлунные ночи, особенно когда тучи скрывают небо, всегда так. Только тьма вокруг, нарушаемая лишь звуками природы, но сегодня мир, казалось, погрузился в особенную тишину, потому что мальчик вообще ни черта не слышал. Ни воя серых падальщиков, ни тихого шелеста травы от охотящегося кошака, ни шума листвы. Словно вокруг и сама природа замерла, вслушиваясь, как малец куда-то крадется, будто жалеет его и своей тишиной призывает одуматься и вернуться к отцу.

Но дети не могут долго оставаться в темноте и одиночестве, как бы им этого ни хотелось. Прошло несколько длинных, прямо бесконечных минут, и Яр с ужасом понял, что заблудился в нигде.

«Нет такого места», – мелькнула грозная мысль, но внутри тот ужасный зверь вдруг весь сжался от страха, съежился от ужаса и попытался сбежать, оставляя Яра наедине с собой.

«Стой», – только и успел подумать Ярослав, а того неукротимого зверя и след простыл.

Тьма сомкнулась, обхватив холодом и сковав страхом. Безмерное нигде вдруг расширилось до размеров вселенной, и там, где раньше звезды или луна бежали по ночному небосклону, осталась лишь холодная темень неизвестного черного мира. Даже город куда-то растворился в пустоте пространства, и мальчик почувствовал, что падает, внезапно лишившись опоры и всего того, что

удерживало в жизни. Непроницаемой черноты бездна разверзлась под ногами. Ничего не осталось. Совсем.

Только первобытный дикий страх выскочил откуда-то изнутри, заставляя мальчика в панике все сильнее размахивать руками в надежде хоть за что-то зацепиться. И он схватился руками за твердую поверхность и кое-как подтянулся. А потом Ярослав долго-долго сидел один в темноте на неимоверно маленьком клочке асфальта и боялся пошевелиться, иначе опять сорвется в бездну и вновь станет падать в безграничную неизвестность. Как упал и исчез его рюкзак. А в голове одна за одной бежали печальные мысли:

«Зачем я ушел от отца?»

«Зачем покинул Юрьев?»

«Почему все против меня?»

«Что я сделал всем этим людям и нелюдям?»

«За что?»

«Ну почему не дать мне просто уйти и исчезнуть?»

И, наверное, именно это мальчику и позволили сделать: исчезнуть. Всматриваясь вытаращенными глазами в непроницаемую черноту личного апокалипсиса, он думал о том, что сейчас исчезает для всего мира и для себя. Даже зверь, сидевший внутри с рождения, куда-то спрятался, если не ушел совсем. А весь мир канул в пропасть, и только маленький огрызок асфальта позволил Яру еще немного пожить. Не дал раствориться во мраке сразу же, зато подарил возможность подумать. Ярос немного успокоился, но ситуация от этого не стала лучше. Все то же бесконечное, беспросветное и беззвучное ничто.

Только теперь Ярослав почувствовал чье-то присутствие. Кто-то находился рядом и еле слышно дышал. Тут звук от шарканья ногой, там – тихое, злорадное сопенье. И в таком духе несколько длинных минут.

– Кто здесь? – пролепетал мальчик, стараясь обернуться на любой звук, чтобы всегда оказаться лицом к лицу с неведомым существом. – Что тебе надо?

В ответ некто засмеялся. Ехидненько так, звонко. Как обычно смеется Митяй! Яра тут же прошиб холодный пот: сейчас ему было страшней, чем когда падал в темноте. Все только хуже. Та же темнота, только к ней прибавился невидимый враг мальчика, сын Воеводы, Димка Панов! А от этого стало вдвойне неприятно, втройне неуютно, и впятеро возросло чувство отвращения к миру.

– Чего тебе от меня надо? А?! – закричал Яр что есть мочи. Звук его голоса в нигде разнесся далеко-далеко, потом вернулся несколько раз, превратившись в многоуровневое эхо, словно тьма была замкнута на самой себе, как очень маленькое и тесное помещение. – Когда же ты от меня отстанешь?!

– Никогда, – и вновь его гаденький желчный смех. Настолько неприятный, что Ярослав поежился – по коже побежали мурашки.

– Но почему? Что я тебе сделал? За что?

– А ты еще не понял? – смех прекратился, и Митяй как-то очень уж зло заговорил, ускоряясь с каждым словом, словно спеша сказать все фразы на одном дыхании, за раз. – Ты не понял еще, мут херов? Я от тебя неотделим! Как? Да никак! И чем больше, придурок, ты будешь прятаться в себе, тем ближе я буду. Я растворю тебя в себе, и тот монстр, что вылез из тебя только рогами, пока что, вылезет целиком. И представь, я с лицом этого монстра? Представил? Классное зрелище… Яр в виде мута с характером Митяя, – теперь враг рассмеялся и вовсе противно. – Я поглощу тебя, уродец! Ты разве не понимаешь? А? Чем больше ты будешь погружаться в себя, тем сильнее я – твой враг – буду вылезать из тебя, а ты, словно кокон, потеряешь, сбросишь свой облик и превратишься в чудовище. Под моим влиянием оно возьмет вверх! Не веришь? Да? – и вновь гаденький и подленький смех.

– Нет! Никогда! – от слов, что гулким эхом разбегались в стороны, а потом возвращались обратно и обрушивались на Яра, усиленные многократно, становилось дурно. – Никогда, слышишь?!

– Ты уверен? – злорадно захохотал враг.

И Ярославу стало так тошно, что он тоже закричал. В том-то и дело, что ни в чем он не был уверен. Ни в том, что зверь внутри не выберется в любой момент наружу, ни в том, что однажды Яр из смиренного и спокойного мальчика не превратится в того, кого так сильно ненавидел, – Митяя. А его зловещий, пугающий и несносный характер, как искорка, зажженная ненавистью к нему же, не охватит исподволь душу Яра, извращая светлые чувства мальчика и подменяя на псевдо.

Ярослав кричал и кричал, и чувствовал, как рядом не только смеется Митяй, но некий внутренний зверь ворочается, обходит вокруг, ищет слабые, уязвимые места, старается найти лазейку, с помощью которой проникнет и завладеет душой Яроса. А как же не хотелось стать уродом на самом деле! Подумать только, мальчик всю жизнь доказывал, что он хороший, он не урод какой-то, он, несмотря на рога, не мутант, а обычный человек, и вот финал: не стоило и пытаться, зверь, оказывается, ежесекундно ждал своего часа вырваться, и только Яр дал слабину, тот с радостью устремился наружу…

– Нет! Нет! Нет! – что есть мочи заорал Ярослав, как никогда желая вернуться к отцу, в крепкие родные объятия. – Папа! Папа! Спаси меня! По-жа-а-лу-у-йста! Я никогда не убегу больше! Па-па!..

И тут, словно разверзлись небеса и невероятное нигде открылось, гигантский луч сверху прорезал непроницаемую тьму, огненным пучком освещая все вокруг Ярослава. И мальчик успел увидеть, как в темноте, спасаясь от света, дымясь и воспламеняясь, скрываются две фигуры: одна маленькая и худенькая, другая же огромная и сгорбленная, с двумя огромными и загнутыми к спине рогами. А сверху, будто в окно, смотрит лицо отца. Он протягивает мальчику руки, а Ярослав тянется маленькими ладошками вверх, к свету…

Сын метался во сне, видно, его мучил кошмар. Неудивительно после стольких унижений. Уставший Карпов снял бушлат, кинул его на тумбочку, оттуда, зашелестев, упал бумажный кораблик. Сергей поднял его и разобрал, открывшееся послание повергло его если не в шок, то в большое недоумение. Надо же, а мужчина и не подозревал, что Яр способен на побег. Черт побери! Надо что-то делать!

Карпов заглянул под кровать и со вздохом вытянул оттуда маленький рюкзачок, открыл и удивился: вот же мелкий постреленок! Уже и к походу успел приготовиться! Но только сбежать не успел, видимо, сына сморил сон. Только

этого Сергею сейчас и не хватало…

В это время ребенок сильнее заметался на кровати, а на его лбу более явственно выступил пот. И Яр зашептал:

– Нет! Нет! Нет! Папа! Папа! Спаси меня!..

Сергей присел рядом и затряс мальчика, не желая, чтобы кошмар нанес травму ребенку. Яр проснулся, и хлопая сонными глазами, из которых текли слезы. Он крепко прижался к мужчине дрожащим телом и еле слышно прошептал:

– Я больше никогда не уйду! Никогда тебя не брошу! Па, ты все светлое, что у меня есть!

– И ты, – мужчина погладил сына по спине, – вместе с матерью, самые яркие лучики в моей жизни.

– Но ее больше нет.

– Нет, она есть. Вот здесь, – он показал на свою грудь, – у меня, и вот здесь, – Сергей приложил ладонь к груди мальчика, – у тебя! Она наш маячок, который никогда не угаснет. Тебе это понятно?

– Да, пап, и ты… Ты тоже!

Занавеска, разделявшая комнату на две, резко отъехала в сторону. В слабом свете лампы из-за тряпья высунулось заспанное и мятое лицо соседа – старичка Тимофея Ивановича. Он, сощурившись и протирая глаза, проговорил сонным голосом:

– Эка у вас тут идиллия семейная! А можно я это… К вам? Тоже обниматься хочу!

Отец с сыном рассмеялись и запустили в деда подушкой.

– Спи уж, дурачок старый!..

Константин Бенев

Эпилог

Темнота. Она такая густая, что не видно пальцев на вытянутой руке. И совсем не имеет значения, что глаза давно привыкли к мраку: для того чтобы видеть, нужно хоть чуть-чуть света, хоть крохотный лучик. А тут его нет.

Плюх! Это очередная капля оторвалась от потолка, разрезала черноту напополам и звучно хлопнулась в небольшую лужицу на полу. Вслед за этим послышался скрип, словно что-то сдвинулось с места, потом еще… и еще… И вот темнота расступилась…

Бетонные стены, повалившийся на бок шкаф, свисающие со стен лохмотья обоев, стол. За столом – человек, с остервенением вращающий ручку динамо. Лампа, наконец-то, ожила окончательно.

Мужчина откинулся, вздохнул с облегчением.

– Жив еще…

Да, жив. Пока жив. Из последних сил. Но жив!!

Вот уже несколько дней как не стало Горшнева. Вдвоем они еще как-то поддерживали друг друга, подбадривали: помощь придет, обязательно придет! Теперь все одному. И вода, и последний сухарь. И надежда. И страх. Липкий, мерзкий ужас. А вдруг нет?.. И сердце заходилось в бешеном ритме, а воздуха не хватало.

Потом приступ проходил, уступая место злости: не дождетесь, он еще поживет! Может, эта злость и заставляла его сопротивляться сумасшествию?

Вот и сейчас…

– Нет! Прочь! Убирайся!!!

Мужчина взмахнул свободной рукой, отгоняя невидимку…

* * *

– Здравствуй, Беркут! – начстанции Баженов вышел из-за стола, протянул руку для приветствия. – Очень кстати вы у нас появились, видать не зря вас ангелами кличут.

– Здравствуй, Семеныч, – Беркут пожал протянутую руку. – А кто же, если не мы? Докладывай, что тут у вас произошло. Серьезное что?

– Серьезней некуда…

Баженов открыл дверцу шкафчика, достал стаканы и бутылку.

– Ты присаживайся, давай, в ногах правды нет. Предупреждаю, у меня тут с закуской проблемы, вот если только «невским шоколадом».

Вслед за бутылкой на столе оказалась тарелка с коричневатой субстанцией. Грибной шоколад.

– Мягко ты стелешь, Семеныч, видать действительно худо у вас…

– Ты выпей, коньяк хороший, не бодяга. А потом и поговорим.

Пьянящий аромат заполнил комнату… От такого захочешь – не откажешься. Беркут выпил свою порцию маленькими глотками, смакуя напиток, прислушиваясь к ощущениям: вот спиртное провалилось в желудок, оставив во рту давно забытый привкус винограда, вот тепло разлилось по всему телу, вот слегка ударило в голову…

После многодневной вылазки это было самым что ни на есть лучшим средством восстановления…

– К делу.

Баженов развернул на столе старую, видавшую виды карту питерского метро.

– Смотри. С кордонов донесли: с Югры нечисть прет. Именно прет, такого еще не было. Что там с ними произошло – одному бесу ведомо, но теперь это серьезная сила. И движутся они прямиком на нас.

Начальник замолчал, словно обдумывая что-то. Беркут тоже молчал: не ему решать, Баженов в обстановке ориентируется лучше, и наверняка придумал для этой своры специальную кару. А им, Ангелам, ее исполнять…

Словно прочитав его мысли, тот продолжил.

– Ты пойми, есть у нас время для эвакуации, нет ли – этого никто не знает. А рисковать колонией я не имею права. Ставить заградпосты – пустая затея, сметут всех, не остановишь. Остается лишь одно. Смотри, – Баженов указал на карте район за пределами Большого Метро. – Эта карта – раритет. Местная реликвия. Еще до Великой Отечественной выпущена. Вот тут, – Баженов еще раз ткнул пальцем в карту, – заброшенная ветка, которая ведет на Лебяжье. Строили ее с тем условием, чтобы к войне подготовиться получше. Участок этот местами разрушен, но пользу принести еще сможет. Задача твоему отряду – заставить эту гадину завернуть туда, а там пусть несется хоть до самого Ломоносова. Но, – Баженов выдержал паузу. – Есть одно большое «Но». Если у вас не получится, то придется рвануть туннель вот в этом месте, – он опять ткнул пальцем в карту, – тут есть место, где можно укрыться. Вся эта орава свернет на Лебяжье, ей деваться будет некуда, ну а вам… Вам придется подождать, пока мы до вас докопаемся. Сможешь?

Баженов внимательно посмотрел на Беркута. Тот отметил про себя, что глаз начстанции дергается – верный признак волнения.

– Семеныч, ты же знаешь: Ангелы идут туда, куда простым смертным путь заказан. Когда выступать?

Баженов разлил по стаканам остатки.

– Вчера…

* * *

Вчера. А вот сколько на самом деле прошло времени? Неделя? Две? Беркут сбился со счета…

Вначале все было вроде хорошо… Отряд разделился на две группы по три человека. Первая тройка должна была принять удар на себя и заставить заразу поменять направление, потом присоединиться к остальным и замуровать вход окончательно. И им удалось это. Почти…

Скорее всего, где-то был схрон с боеприпасами, старыми, еще с той войны… Ребята так и остались навсегда держать оборону. Вечная им память.

Беркут и двое бойцов укрылись, сумели. Карта не обманула. Эх, Баженов, что ж ты схрон-то не нашел?..

Но туннель запечатан, гарантированно, свора ушла в сторону. И они успели-таки спрятаться, карта не обманула. Это ли не везение?

Беркут усмехнулся. Везение…

Ромка Куликов ушел первым, его задело взрывом, никаких шансов… Он так и не пришел в сознание. Остались он и Горшнев… И тишина. Оглохшие после взрыва, они были похожими на рыб на песке, что жадно хватают ртами воздух. А она, как паутина, обволокла все вокруг. Они с Мишкой пробовали перекричать ее, но становилось еще хуже: отсутствие звуков сводило с ума, тишина после крика вызывала ужас. И еще нужно было экономить свет. Они сообразили это слишком поздно. Как и то, что есть подзарядки… Чертова контузия! А Мишка, гроза всей нечисти, оказывается, боялся темноты. Не той, что являлась их постоянным спутником в бесконечных туннелях метро, нет. Он боялся темноты, которая накрывает тебя, как пледом. Окунает в ужас, не давая опомниться: минута, другая – и ты начинаешь искать какой-нибудь выступ, поручень, и, не находя его, впадаешь в панику. Мишка, Мишка… Горшнева накрыла волна ужаса, когда Беркут в очередной раз пошел проверить завал, прослушать тишину. Вступив в бой с невидимым противником, Мишка проиграл: пуля срикошетила от стального шкафа…

Теперь его очередь – он знает, чувствует – страх убьет и его. Смешно. Он, Беркут, не знающий страха, Ангел, не раз спасавший других от ужасов нового мира! Но, видать, пришло время платить по счетам, время реванша для того, что он с такой яростью уничтожал. Все чаще приступы паники, все реже просветы в сознании… Еще немного, и сердце не выдержит. Или не выдержит рассудок. И неизвестно, что хуже.

Свет всполохами забегал по помещению. Лампа разряжалась.

– Сейчас… Сейчас, родимая, – Беркут вновь начал жать на ручку подзарядки.

Только не остаться вновь в темноте, только не остаться без света! Иначе все, каюк… Иначе опять будут эти видения. Умом он понимает – это просто игра воображения, сенсорный голод (о! даже определение вспомнил!)… Но стоит лишь остаться в темноте, и здравый смысл позорно сбегает с поля боя. Безумие побеждает. А пока ему удается сдерживать натиск, надо закончить одно очень важное дело. Очень важное!..

Когда лампа вновь стала давать достаточно света, Беркут расстегнул куртку и, порывшись во внутреннем кармане, достал сверток, бережно развернул его. Светловолосая девушка улыбалась и подмигивала ему с фотографии…

– Ну здравствуй…

Он хорошо помнил тот солнечный день в пригороде Киева. Лето. Было очень жарко. Они с семьей отправились на экскурсию. Соломенные крыши домиков и золотящаяся пшеница добавляли жара в и без того раскаленную донельзя атмосферу. Солнце, казалось, было вездесущим, и ему никак не удавалось поймать жену в объектив так, чтоб оно не мешало ему.

– Оля, ну стой же ты на месте! – он пытался быть требовательным, хотя на самом деле ему доставляло огромное удовольствие наблюдать за тем, как она строит рожицы. – И прекрати щуриться!

– Слушай, Беркут! Я сейчас вообще раздеваться начну перед объективом! Ты решил из жены себе гриль на вечер приготовить?!

Какое чудо, что эта фотография сохранилась. В какой-то момент ему показалось, что он опять там, в солнечном и жарком Киеве, что сейчас вдруг появится Ольга, а вслед за ней дочка. Такими, какие они были тогда, четверть века назад…

Капля воды вновь сорвалась с потолка и оборвала видение… Ну вот, еще час прожит. Беркут заметил: капля падала раз в час. Редко. Но какая-никакая стабильность. И вот уж от чего-чего, а от жажды он не умрет. Беркут хрипло рассмеялся, но потом зашелся в натужном кашле. И тут же испугался, настолько инородными, чужими были тут и смех и кашель.

Пожалуй, пора. Пока еще есть силы, пока в трезвой памяти и своем уме.

Бумага и карандаш всегда были при нем.

– Напишу-ка я тебе письмо, жена. Если Семеныч сдержит слово, то помощь придет. И тогда все будет хорошо. А не успеет… Тогда будет тебе это последним приветом.

Ну вот почему именно сейчас? Почему именно так? Чем, какими своими грехами заслужил он ТАКУЮ смерть? Пережить всех… Знать, что не сможет существовать с этим грузом, не сможет смотреть в глаза их родным? Каково это, а?..

– Простите меня. Если сможете.

* * *

Здравствуй, родная моя!

Ничего, что я иногда буду писать не в ту степь? Я не часто говорил тебе ласковые слова, теперь вот хочется наверстать. Тут очень темно и холодно, а еще очень тихо. Помнишь, мы мечтали с тобой, чтобы было темно, тихо и никто не беспокоил? Оказывается, это не так уж и хорошо, так что, не жалей. Сейчас мне больше всего хочется попасть домой, знай, я всегда скучал по тебе и дому. Ты обижалась, когда я уходил надолго, я знаю, хоть ты и не говорила. Но я не мог иначе, и очень благодарен тебе за то, что ты понимала это. За то, что не упрекнула ни разу, за то, что терпела, верила и ждала. Бог, хоть и послал мне

испытания в конце жизни, но был милостив: он подарил мне тебя. Помнишь, как мы с тобой сидели долго-долго, прислонившись спинами, и молчали. Да слова и не нужны были. Тебе нужно было домой и мне, но мы не могли оторваться друг от друга. Отдал бы сейчас все за то, чтобы повторить это. Смешно, у меня сейчас и нечего отдавать. Жизнь уходит, а душа принадлежит Богу. А еще ты говорила, что голод постоянно напоминает тебе, что жива. Я хочу, чтоб ты знала: о том, что я жив, напоминаешь мне ты. Постоянно, каждое мгновение.

Чмокни за меня Аленку, передай, что люблю и верю – все еще будет у нее хорошо. И вообще, не унывайте. И верьте в чудеса, они, правда, случаются. Мне ли это не знать, командиру отряда Ангелов… Только, отряда больше нет. Наверное, он понадобился Богу для других дел. Но все равно, если вам понадобится помощь, – просто подумайте обо мне, и я приду!

Ну все. Пора прощаться… Целую. Люблю.

P.S. А помнишь нашу любимую?

Ты у меня одна.

Словно в ночи луна.

Словно в году весна.

Словно в степи сосна…

Беркут сложил письмо, подложил его под лампу. Ну вот… Теперь еще черкнуть пару строк Баженову, и ждать…

* * *

Тишину туннеля нарушил звук падающей породы. Шум усиливался с каждой минутой.

– Дошли! Дошли, Семеныч! Ребята, вы тут? Жи… вы…?

Татьяна Живова

Киндер, кюхе, кирхе

– Ты, девка, совсем с катушек слетела? Куда тебе в сталкеры, да еще и на вылазку, к великанам? Пропадешь ни за понюшку сухого мха! А ну не дури и марш домой! И батьке своему от меня передай, чтобы взгрел тебя как следует!..

…Ага! Сейчас! Бегу и тапочки теряю! Как наверху по развалинам в рабочей бригаде шариться – так будьте-нате, давай, Малечка (меня Амалией зовут… родители вот выпендрились), собирайся!.. А как на настоящее дело – так сразу «глупая-девка-куда-лезешь» и прочее «киндер, кюхе, кирхе».

Я ни разу не феминистка, но иногда просто зла на них не хватает!

Да я ж не по дури лезу… то есть, нет, по дури тоже, но суть-то не в этом. А в том, что Борька Лохматый – наш самый удачливый сталкер – как-то имел неосторожность втянуть меня в спор (что уже само по себе было неосмотрительно с его стороны: спорить со мной – затея заведомо опасная, ибо я без боя не сдаюсь). И имел неосторожность в запале брякнуть:

– Вот если бы ты не побоялась слазить туда, где живут великаны, и добыть там какую-нибудь полезную шнягу, – я бы тебя тут же в жены взял!

…Услышать такое от красавчика, везунчика и идейного холостяка Лохматого, по которому вздыхали все без исключения незамужние девчонки нашей линии (да и не только незамужние… да и не только нашей…), стоило того, чтобы запинать куда подальше здравый смысл и инстинкт самосохранения и…

В общем, когда я с некоторой долей ужаса осознала тот факт, что вот буквально только что приняла его вызов, было уже, как говорят наши старожилы, поздно пить боржоми: свидетелями пари была чуть ли не вся их сталкерская команда, пара бойцов из охранного отряда и еще сколько-то там гражданских.

Эх, ну вот что эти мужики с нами, бабами, делают?.. И я тоже хороша: ведь ни разу не блондинка, а вот угораздило… Естественно, я знаю, что в местах

обитания великанов опасно! Не настолько же я и дура!

Короче говоря, теперь моя задача-фикс – выполнить свою часть заключенного по горячке пари. То есть, сходить на вылазку в пещеры великанов и что-нибудь оттуда притащить. И тогда Лохматый – мой! Здравствуй, устроенная личная и семейная жизнь, рыдайте и завидуйте, все бабы нашей линии!

Легко говорить и строить планы. А попробуй сделай! Бурьяныч, наш сталкеро-начальник, как узнал, что я – белая и пушистая… ну… почти – к великанам на вылазку собираюсь, так орал… я думала, у него усы отвалятся. «Глупая девка», «головой думать надо, а не тем, чем ты обычно думаешь», «киндер, кюхе, кирхе», бла-бла-бла…

Он прав – головой думать надо было. Но какой смысл теперь сожалеть – если я слово дала, да еще – при свидетелях? Это вам не хухры-мухры!

Борьке от командира влетело тоже. И, кажется, еще больше, чем мне. После этого он пару дней меня вообще игнорировал, да и сейчас почти не смотрит. Походу, сильно пожалел о своем пари.

Ну уж нет, дорогуша, это теперь наши с тобой общие проблемы! Не надо было брякать при всем честном народе всяких скоропалительных обещаний! А что касается меня – то я без боя не сдамся, так и знай!

Тем более, что верность слову в нашей общине ценилась, пожалуй, еще выше, чем личная отвага и доблесть.

К великанам? Да не вопрос! Вы мне только не мешайте и… отвяжитесь, наконец, от меня со своим «киндер, кюхе, кирхе»! Нет, я ни разу не против – даже за! Можно сказать – сплю и вижу. Но… Не время сейчас для этого! Не время!

…Я уже говорила, что я дура? Только намекала?.. Да однофигственно! Так вот. Я – не дура. Я – ТРИЖДЫ дура!!!

Все, все складывалось замечательно! Мне удалось проникнуть незамеченной на территорию великанских логовищ-пещер, удалось не встретить на своем пути ни

их, ни еще каких-нибудь других страшных монстров, удалось подобраться так близко, что до меня долетали их голоса и запахи их жилищ…

Посмотреть на то, как живут великаны, было, конечно, любопытно. Женщина я или где, в конце концов? Но я помнила, что великаны – самые опасные монстры из всех, что водились в наших краях. От остальных хоть можно было убежать или спрятаться. А эти весьма умело и метко швырялись всем, что попадалось под загребущую лапу. На моей памяти так в разное время погибли несколько наших рабочих и один сталкер. Страшная смерть – быть раздавленным огромным бетонным обломком или забитым железной арматурой до состояния кровавого желе!

А еще у нас ходили жуткие слухи, что великаны некоторых своих пленников (тех, кто сумел выжить при поимке) держат в железных клетках, откармливают, а потом… пожирают! По нашей линии таких ужастиков – тьфу-тьфу-тьфу – до сих пор не случалось, но ведь откуда-то же эти слухи появились? Или это такие специальные страшилки для не в меру борзых дурочек типа меня? Чтоб не лезли, куда не надо?

Вот насчет «куда не надо» – это в самую точку.

Не успела я подползти поближе к той пещере, откуда доносился одуряюще вкусный запах чего-то съестного, как что-то свистнуло в воздухе, голова взорвалась оглушительной болью, и я провалилась в темноту, в которой не было ничего…

…Очнулась я в какой-то непонятной квадратной яме с высокими стенами. Голова гудит, словно в ней слоны (это звери такие. Если верить старожилам – водились когда-то в местном зоопарке) танцульки устроили, а чуть притронешься… ой, нет, лучше не притрагиваться! Подо мной – что-то мягкое, податливое… Я повела вокруг себя взглядом.

Мама!!! Ой, мама-мамочка-мамуля, забери меня отсюда, я больше не буду!!!..

Я ЛЕЖАЛА НА ТРУПАХ!

Осознание этого факта было настолько ошеломительно-ярким, что я как ужаленная подскочила там же, где и лежала (в голове тут же радостно

кувыркнулся один из слонов-танцоров…), и истошно завизжала не своим голосом!

– Дааааайоооооптвоооооюююжееемаааать!!! – прогрохотало откуда-то из невообразимой дали и высоты.

Великаны разговаривать умели. Но поскольку они были огромными и неповоротливыми, речь их была подобна малоразборчивому низкому и тягучему реву без вычленения отдельных слов. Мне как-то приводили сравнение с какой-то там пластинкой, проигранной на более низком количестве оборотов… правда, в суть тех описаниий я, рожденная после Большого Трындеца, врубиться так и не смогла. Но вот именно сейчас поняла, что изобразить великаний рев у рассказчика тогда получилось весьма талантливо!

Небо надо мной потемнело, в яму всунулась огромная лапища и, не успела я снова взвизгнуть, сгребла меня поперек тела и потащила куда-то вверх. Я почувствовала, как жалобно хрустнули мои ребра.

Надо было как-то сопротивляться, но от страха я впала в такой ступор, что даже собственное имя запамятовала.

Лапища повертела меня так-сяк (голова – и без того неадекватная – тут же закружилась, в глазах потемнело), а потом что-то лязгнуло, меня куда-то швырнуло, я кувырком прокатилась по какой-то ровной холодной поверхности, врезалась во что-то живое и… Снова отрубилась.

Очередной приход в себя, слава богу, не сопровождался никакими душераздирающими зрелищами. Я просто почувствовала рядом с собой кого-то. Ощутила прохладную воду, стекающую с головы на шею, и холод в районе ушиба. Сразу стало как-то легче.

– Ну вот, очнулась, – сказал кто-то надо мной. – Пить хочешь?

– Хочу, – отозвалась я, не открывая глаз. – А ты кто? Как тебя зовут?

– Э… не знаю… не помню…

Я, наконец, сумела разлепить веки. Надо мной сидел большой (примерно две меня) и довольно плотный, я бы даже сказала, толстый парень и с любопытством меня рассматривал.

– Чего-то ты какая-то мелкая… – поделился он итогом своих наблюдений. – Не кормят тебя, что ли?

– Ну да, куда уж нам до некоторых… – как-то машинально огрызнулась я. Мне сейчас не было дела до этого чужого парня. Меня больше занимала обстановка, в которой я оказалась.

Это была железная клетка с решетчатым потолком и железным же полом.

Мне сразу же вспомнились трупы в яме, слухи, ходившие по нашей линии… И сразу стало как-то очень не по себе! Куда я попала?..

– Здесь великаны готовят еду, – любезно отозвался чужак. По-видимому, последний вопрос был отчетливо написан у меня на физиономии. – Чувствуешь, как вкусно пахнет?

Он потянул носом. Я последовала его примеру… и вдруг уловила, помимо действительно вкусных запахов еды, еще какие-то. Другие… Странные. Настораживающие.

– Ты ничего не чувствуешь? – спросила я Толстяка (так я решила его пока называть). – Тут еще чем-то пахнет… кроме еды…

– А что я должен чувствовать? – удивился он. – Мясо жарится, лук, грибы…

Мясо!!! Жарится!!! Трупы в яме, железная клетка и те жуткие слухи!!!..

Я похолодела. Как бы мне хотелось ошибиться, но, кажется, мне вскоре доведется на своей шкуре проверить правдивость слухов про то, что великаны жрут своих пленников. Причем «на своей шкуре» – это в самом что ни на есть прямом смысле!!!

«Мама… ой, мамочка ро?дная, что же мне делать?..»

Я подползла к решетке и попробовала прутья на прочность. Бесполезно. Не вырваться. Даже не пролезешь между – так плотно наварены! Ой, я вли-и-ипла!!!..

«Жениха хотела – вот и залетела, ла-ла-ла…» – навязчиво закрутилось в голове некогда услышанное на одной станции. Ох, правда, уж ТАК залетела, что дальше некуда!.. Ну, Лохматый, берегись: если только вырвусь отсюда, найду и лично кастрирую тебя, паскуду, чтобы больше не сбивал с панталыку наивных девушек своими обещаниями!!!

Вот только один вопрос: как отсюда вырваться? Клетка же! Да еще и запертая!

Я все же исследовала запор дверцы. И сразу же поняла, что фиг вам, дражайшая Амалия Денисовна! Как говорится, «поздняк метаЦЦа»!

Ну уж нет! Я без боя не сдамся!!! Должен ведь быть какой-то выход, думай, голова, думай, хватит болеть и охать!..

Все это время Толстяк спокойно сидел в углу и с удивлением созерцал мои метания по клетке.

– Чего ты носишься, как ненормальная? – наконец недовольно проворчал он. – В глазах уже рябит! Вон, миску с водой перевернула…

Я резко затормозила и уставилась в его безмятежные глуповатые глаза. Похоже, до парниши еще не доперла вся пятая точка нашего положения!

– Ты что, идиот? – взвинчено прошипела я. – Не понял еще? Я слышала, что великаны держат пленников в клетках и откармливают! А потом жрут! Я сюда попала после того, как меня ударили по голове! И очнулась в яме! С трупами! Понимаешь? ТРУ-ПА-МИ! И эта яма – где-то здесь! И…

– Ну ты фантазерка! – хмыкнул он. – Трупы, скажешь тоже! Великаны, конечно, те еще монстры, но поверь, с ними можно нормально жить бок-о-бок. И они вполне себе мирные. Вот я раньше жил у них, там было много наших. Нас хорошо кормили, о нас заботились…

– А сюда тебя зачем притащили? – вкрадчиво осведомилась я. Похоже, мне крайне не повезло, и судьба свела меня с явным дебилом!

Он запнулся. Пожал плечами.

– Ну… не знаю… наверно, чтобы угостить чем-то…

Точно дебил! Или, может, его, как и меня, однажды тоже по головке приложили – да так, что он вообще разум потерял?.. А что? Если он даже имени своего не помнит…

– Угостить… – во мне начала закипать ярость. – Ага… Угостить…

Случайно, краем глаза я выхватила из происходящего за пределами клетки нечто такое, что мне, несмотря на всю мою психическую закаленность, едва не стало худо. Но эта же картина невольно стала последним моим аргументом в споре с этим недоумком.

– Смотри, Толстяк! – взвизгнула я, хватая его за шкирятник и подтаскивая к решетке (и как только сил хватило сдвинуть с места эдакую тушу?). – Смотри внимательно! Как тебе ЭТО? А?!.. Угостить, говоришь?!..

На наших глазах огромный пузатый великан запустил лапу в какой-то ящик и извлек оттуда… безжизненно свисающее тело. За ним – второе, третье… тут-то до меня и дошло, что это была за странная квадратная яма, в которой я очнулась в первый раз! Великан небрежно кинул добытое на широкую доску, схватил огромный сверкающий нож и… начал сноровисто свежевать и разделывать сперва один труп… затем другой… Брызнуло алым, в воздухе отчетливо и резко запахло…

Только теперь я поняла, чем же еще пахло в этой пещере, помимо еды!

Пахло кровью. Смертью пахло! Смертью!..

Позади раздались приглушенные булькающие звуки. Я обернулась. Толстяк сидел, неловко привалившись боком к решетке. Его тошнило.

– Понял, придурок? – жестко и безжалостно спросила я. – Мы – следующие!

Он скорчился, обхватил голову трясущимися пальцами и тоненько заскулил, раскачиваясь из стороны в сторону.

…Ох, как же мне хотелось последовать его примеру! Но нельзя было! Нельзя!!!

Вырваться, во что бы то ни стало нам нужно отсюда вырваться! Должен быть выход, думай, Амалия, ведь ты же сталкер!!! Ну… почти сталкер, вернешься домой – станешь им… если захочешь… Только вернись, милая, только не раскисай!!!.. Боже-боженька, помоги мне, и я клянусь, что больше ни за что не стану заключать пари с красивыми сталкерами и лазить в опасные места, а выйду замуж, стану хорошей женой и примерной хозяйкой-домоседкой… детишек нарожаю… киндер, кюхе, кирхе…

Великан с окровавленным ножом что-то проревел, обращаясь к кому-то невидимому… только тут я заметила еще один вход, наверно, в другую пещеру. Оттуда долетел ответный рев. И вот живодер… направился в сторону нашей клетки.

…Неужели… конец?.. Боженька, миленький, ну я прошу тебя… Хоть немножечко помоги, а дальше я сама…

Лязгнул запор, дверца распахнулась, и в клетку просунулась заляпанная кровью волосатая лапища.

Кого… первого?..

…Все случилось как-то сразу и внезапно. Меня вдруг словно что-то подбросило, и я с душераздирающим визгом:

– Толстяк, БЕГИ-И-И-И!!! – подпрыгнула, вцепилась в эту отвратительную, пахнущую чужой кровью и смертью лапу и изо всех сил вонзила в нее зубы!

Кусаться я, что ни говори, умела виртуозно. Несколько чересчур ретивых до женского пола индивидуумов уже испытали это на себе.

– Аааааайййймляяяяяятьсуууукаааааа!!! – раздался надо мной оглушительный рев, переходящий в визг. Я даже не знала, что великаны умеют ТАК визжать!..

…Господи, только бы у Толстяка хватило ума…

Великан выдернул лапу из клетки и бешено затряс ею, пытаясь меня стряхнуть, но я только усилила хватку. Получай, гад! За нас с Толстяком! За всех тех, кого вы, сволочи, убили и сожрали! За те трупы в ящике!..

…Краем глаза я с облегчением увидела, как Толстяк поспешно перевалился через порог открытой клетки, неловко плюхнулся на пол и… нервно заметался по пещере.

Впору было, как говорят наши старожилы, убиться фейспалмом – но чем я тогда держаться буду?

– Беги, придурок!!! – хотела снова крикнуть я ему, но сквозь зубы получился только нечленораздельный визг.

В этот момент великан тряхнул ручищей особенно сильно, я не удержалась и полетела куда-то в сторону.

«…только бы ничего себе не сломать…» – мелькнула запоздалая мысль. Блин, да какое там «сломать», меня же сейчас просто размажет обо что-нибудь…

Но добрый боженька, которого я так просила о помощи, продолжал заботиться о своем непутевом создании. Приземлилась я довольно удачно – на кучу какого-то тряпья в углу возле выхода. Почти тут же рядом оказался Толстяк. Вид у него был ошалелый, глаза круглые и, похоже, от страха он ничего вокруг себя не видел.

– С**БЫВАЕМ!!! – заорала я, хватая его за шкирятник и безжалостно подгоняя пинками к выходу, – Бегом-бегом-бегом!!! Шевелись, придурок!!!

То ли мои пинки и матерные (ну уж простите, тут уже было как-то не до выбора более пристойных для незамужней барышни выражений!) вопли возымели действо, то ли закончилась мера отпущенного ему страха, но Толстяк вдруг

повел вокруг себя вполне осмысленным взглядом, охнул и припустил прочь чуть ли не быстрее меня.

– НЕТУДАБЛЯ!!! – рявкнула я, обгоняя его и толкая боком в нужном направлении. – За мной!!!

И, отчаянно петляя между ногами других, сбежавшихся на крики, великанов, кинулась прочь к лазу, через который я сюда проникла. Толстяк пушечным ядром рванул за мной.

– Чееертоооваакрыыыыысаааааааа!!! – гулким тягучим басом ревел нам вслед толстопузый великан, размахивая своим жутким ножом. Кажется, он даже пытался нас догнать, но у него ничего не вышло: мы оказались гораздо проворнее. – Нууупоооогооодиииипооопаааадееешьсяяятыыыымнееесноооовааа!..

…Да, я – крыса! Обыкновенная серая крыса, которых тут, в катакомбах московского метро – миллионы! Не то, что вас, великанов – людей то есть, – жалкая горсточка! И нас не только больше – мы еще и стократ умнее, хитрее и проворнее вас! Доказательство тому – это то, что я сейчас не сижу в клетке, ожидая неминуемой и мучительной гибели на разделочной доске мясника, а со всех ног удираю по туннелю туда, куда вам, людям, нет и никогда не будет доступа! И, между прочим, удираю с добычей – с тем, что (вернее – кого!) мне удалось увести прямо у вас, раззявы, из-под носа!

Нет, ну как все удачно сложилось! Я не только живая осталась и ушла с добычей (и еще с какой добычей!). Я сдержала свое слово, выиграла спор, да еще и спасла жизнь такому же, как и я, крысу (хоть и феерическому придурку не от мира сего!)! Круто, правда? Ай да Амалечка, ай да молодчинка!!!

Ну а теперь, с чистой совестью и чувством выполненного долга, можно и «киндер, кюхе, кирхе» – как я и обещала доброму боженьке! И вот фиг теперь Лохматый у меня отвертится! Никто его, как говорится, за язык не тянул. Не умеешь в нужный момент сдержаться и промолчать – ну так теперь расхлебывай последствия собственной глупости и хвастливости! А что касается меня – то я и тут без боя не сдамся! И, кстати, молчать – в отличие от этого, как говорят старожилы, няшки Лохматого, – я умею очень даже хорошо! Хоть и считаюсь в родной общине редкостной блондинкой на всю голову.

Поэтому, к примеру, о том, как в паре моментов своего ниипического приключения я с перепугу, простите за такую интимную подробность, чуть лужу под себя не напустила (ай, да чего там «чуть»… вру ведь… не «чуть»… ОЙВСЕ!!!) – я, конечно же, умолчу. Хотя, в принципе, могла бы и признаться – вот как сейчас. Я – девочка, мне простительно ТАК бояться!

Но я стопудово уверена, что, к примеру, наш героический Лохматый – случись вдруг с ним подобный неловкий конфуз – наоборот, молчал о нем в тряпочку. И это с его-то феерической болтливостью и любовью к расписыванию собственных подвигов во всех подробностях!

Потому что какой же нормальный, уважающий себя и свою репутацию, крутой (хи-хи-хи, пи-пи-пи!) сталкер – пусть даже и крысиный! – станет в ТАКОМ признаваться?

Это ж, чего доброго, и весь его пресловутый ореол крутости в один миг улетучится!

Крысе (хи-хи-хи, пи-пи-пи!) под хвост!

Андрей Гребенщиков

По ту сторону янтаря

Дыхание – сбивчивое, неровное. Воздуха не хватает – вдыхаю дикую смесь кислорода и углекислого газа и захожусь в мучительном, не приносящем облегчения кашле.

Осторожный вдох – легкие наполняются – в них газ – смерть пополам с жизнью. И жизнь с каждой минутой уходит, проигрывая все сильней… Тяжелый, порывистый выдох – прочь, яд, прочь! Секунды облегчения.

Пытаюсь не дышать. Превратиться в столетнее мудрое дерево, миллионами листьев перемалывающее углекислоту в благословенный чистый кислород. Смеюсь и задыхаюсь смехом. Не думать о воздухе – смотрю на

фосфоресцирующие стрелки часов – половина второго. Не знаю, ночи или дня, – абстрактное, больше никому не нужное время… сколько его осталось до конца, когда собственное дыхание убьет меня? Час или два, оно ускользает сквозь пальцы – песчинки тают на горячих руках.

* * *

Краска неопределенного, давно утраченного цвета полопалась во многих местах и обнажила изъеденный ржавчиной, изуродованный металл. Подслеповатый фонарь безжалостно высвечивает язвы и проплешины на некогда солидной двери. Слабый лучик, направляемый неровной, подрагивающей рукой будто вылизывает бесчисленные раны несчастного, измученного временем железа – я пристально высматриваю каждую прожилку, каждую – мельчайшую царапинку… и почему-то неизменно представляю поверхность Марса, испещренногоую таинственными и величественными каналами. И чувствую себя отважным исследователем, покорителем неизведанного, первооткрывателем чужих забытых тайн…

Минута сменяется минутой, часовая стрелка укоризненно приближается к новой отметке. Отдающий последние силы фонарик готовится к неизбежному – тусклая желтая лампочка затухает и дрожит, включаясь на все более короткие промежутки ускользающего времени.

Пора… тающий на глазах заряд аккумулятора приговаривает к действию, обрекает меня…

Пульсирующий липкий страх сдавливает сердце и берет за горло стальной хваткой. Трудно дышать, едкие капельки пота заливают слезящиеся глаза… Дверь – грань между прошлым, настоящим и будущим. Черта, невидимая, но осязаемая граница. Сейчас и здесь, с этой стороны двери – Настоящее: давно заброшенное бомбоубежище, со сломанной системой вентиляции, без электричества, запасов воды и пищи. Такое Настоящее существует, пока мерцает старый крошечный фонарик, пока скудные остатки кислорода еще могут наполнить сжавшиеся легкие. Убежище даровало жизнь – очень-очень короткую, длиною всего в три дня, а теперь готово забрать одолженное, поглотить в своих недрах…

За дверью – пока она заперта – Прошлое, каким мы его помним… Свет солнца и сияние луны, шелест ветра и шум дождя… и жизнь… такая разная: наполненная грустью и отчаянием, надеждами и любовью, слезами и детским ангельским смехом. Я слышу, как смеются два ребенка – совсем крошечная девочка и ее старший братик – трехлетний улыбчивый карапуз. Два голоса – настолько разные, настолько родные. Не вижу их лиц, только смех, беззаботный и живой… Нет! Думать о другом! Думать о другом!!!

Вспомни о красоте – в голове возникают картины вечного, непрекращающегося движения, калейдоскоп «обычных чудес»: юная сочная зелень весны сменяется зрелым, богатым летом; безумное разноцветье осени превращается в холодное величие безбрежной зимы. Щедрые снегопады истончаются до озорных весенних дождиков, обильно увлажняющих плодородную летнюю почву, затем вновь приходит черед мрачных, злых ливней, когда уставшая резвиться вода вмерзает в стылую осеннюю землю. И первая долгожданная снежинка, предвещающая наступление ледяной королевы… Цикл бытия, гармония мира. Изменчивая, многоликая красота затейницы природы. Что я увижу за порогом…

Мне страшно и больно… я не хочу видеть могилу Прошлого под каменным надгробием беспощадного Будущего. Не хочу видеть гибель жизни, не хочу перестать слышать детский смех…

Настоящее не оставляет выбора, оно подталкивает в спину, протягивает мои руки к запертой двери, отворяет тяжелые засовы…

* * *

Ржавые петли визгливо заскрипели, в темный проем хлынул прохладный свежий воздух. Еще несколько шагов вверх по лестнице, и бомбоубежище за спиной погрузится в песок времени – Настоящее обернется Прошлым, а Прошлое – былью, странной, красивой сказкой с печальным концом. Я телом ощущаю, как рвусь через пласты времени, чувствую, как скрипят шестерни вселенских часов, перемалывающих секунды и тысячелетия в пыль.

Уже виден отсвет яркого дневного солнца. Глазам, привыкшим к абсолютной, непререкаемой тьме подземелья, мучительно больно – ужасная режущая боль, от которой могут спасти только плотно сомкнутые веки. Дальше придется идти вслепую… Какое безумие… Будущее, спрятавшись за тонкой, почти прозрачной кожей век, вновь исчезает, ускользает от меня, я зависаю в безвременье, на перекрестке трех дорог.

Вокруг тишина… Люблю ее – умиротворяющую, ласковую для уха, заботливую для сознания, ищущего отдохновения. Благословенную тишину можно пить, как нектар, – и никогда не насытиться, еюй можно дышать – полной, свободной грудью; сливаться, исчезать и растворяться без остатка. И чтобы во всем мире – ничего – ни шороха, ни скрипа, ни движения воздуха, – только осторожный, ритмичный стук сердца – бум-бум, бум-бум – чтобы понимать – ты жив, это ты наслаждаешься тишиной, а не она тобой… Абсолютное, самое сладостное безмолвие скоротечно, минута – и появляется непрошеный шум в ушах, похрустывают суставы, пульсирует кровь в висках – и магия исчезает…

Однако есть и другая тишина, нет – тишь! Звенящая – как натянутый нерв, тревожная – как мертвый штиль, наполненная ожиданием – как змея перед прыжком. Тишь – квинтэссенция запредельного, подсознательного ужаса – это конвульсия и дрожь, вибрация иррационального, отупляющего страха, проникающего под самую кожу… Она непрошеной гостьей врывается в мозг, свирепой хищницей вгрызается в мысли и чувства и, подобно вампиру, высасывает из них свет и надежду, отравляет сознание отчаянием, парализует волю.

Как трудно сделать шаг. Ты все понимаешь – пути отрезаны, сгоревшие мосты давно превратились в пепел, и нужно сделать единственно возможное – на ощупь, вслепую пробиваться вперед… Однако мышцы отказываются повиноваться, ноги налиты свинцом. Успокоиться, восстановить дыхание, остановить обезумевшие, сорвавшиеся с цепи мысли и… переставить одну ногу. Я больше не чувствую твердой поверхности, по колено погружаюсь во что-то теплое, пышущее жаром. Только не смотреть, только не смотреть! Чуть приоткрывшиеся глаза, обнажившиеся из-под век всего на миг, на один предательский миг, мгновенно получают световой удар. Выжигающий, испепеляющий луч. Боль дикой вспышкой отправляет сознание в небытие… я падаю, падаю, падаю и не могу достичь дна этой боли…

* * *

Нечем дышать, повсюду – в носу, ушах, во рту – пепел. Боль здесь, всегда со мной, но удушье берет верх – заставляю безвольное, пораженное мучительной судорогой тело подняться. Голова, глаза налиты кровью, вены пульсируют с невозможной частотой, а сердце, готовое вырваться из груди, заходится в исступленной, самоуничтожающей истерике.

Слепец в царстве теней…

Вокруг беснуется осиротевший ветер. Он разговаривает со мной на все голоса, он кричит и молит, вздыхает и плачет, он спрашивает об исчезнувшей подружке-листве, которая так весело шелестела в его объятиях. Ему может ответить только вездесущий пепел, но он молчит – всегда молчит. Лишь взлетает и кружит в ритуальном танце смерти – сумасшедший шаман, оплакивающий сгинувшие в ядерном пожарище деревья, опустевшие дома, выжженный изнутри город. Я танцую вместе с ним, но мне не нужны движения – гибельный ритм внутри моего сердца.

«Они ушли» – это ветер.

«Сгорели» – неслышимый шепот немого пепла.

«Дотла» – стонет тишина.

«Всеееее» – безумным хохотом заливается тишь.

Кладбище – на многие километры. Многоэтажные склепы, братские могилы…

Скрип детских качелей – одинокий, неуместный среди безмолвного погоста. Маленькая девочка – не вижу – знаю. Она улыбается, она смеется над моими закрытыми глазами:

«Живые слепы… стоит умереть, чтобы прозреть».

Морок, безумные игры безумного разума.

Бреду сквозь вездесущий пепел. Не понимаю куда, не ведаю зачем… Двигаться, чтобы ощущать себя… каким? живым? Но в царстве мертвых я – чужак, изгой, до времени отвергнутый бледной старухой. Я – упрек ушедшим… покинутый город смотрит на меня тысячами пустых оконных проемов, в каждом задавленный, лишенный голоса крик… и обвинение. Я «вижу» тени – за разбитыми стеклами – сотни, тысячи силуэтов. Тьма – в упор, не таясь – рассматривает меня… Чудовище с миллионом глаз – от него не спрятаться. Страшные, опаленные адским пламенем зрачки найдут тебя повсюду, твоя душа под прицелом.

Сбросить наваждение, терпеть, держаться – до вечера, до наступления сумерек.

– Здесь всегда светит Солнце…

Вздрагиваю, голос кажется настоящим, живым.

– Кто здесь? – гортань не слушается, я шепчу на грани слышимости.

Голос в ответ смеется:

– Твой поводырь.

– Не понимаю, – странный собеседник страшит меня. Слепой, потерянный – я беззащитен перед ним.

– Понимание – непозволительная роскошь в мире, который сошел с ума.

Некоторое время мы идем молча, я не слышу его шагов, не слышу дыхания, но он здесь, совсем рядом…

– Куда мы идем? – глупый вопрос, под стать ситуации, и тут же другой, – я тоже сошел с ума?

Поводырь заливается беззаботным, легким смехом, – разве посреди урагана возможно сохранить разум?

– Я ничего не вижу, – понимаю, что от незнакомца не добиться ничего, – что вокруг?

– Почему ты решил, что я зрячий?

Начинаю заводиться:

– Ты – поводырь, ты должен видеть!

Недолгая тишина в ответ, затем тихое:

– Здесь очень-очень яркий свет, повсюду… и нет нигде тени, но самого Солнца не видно – скрыто в собственном сиянии. Свет, везде свет… Слепит сильнее тьмы…

Мой собеседник говорит каким-то неестественным тоном, со странной интонацией, будто читает по книге.

– Я ощущаю пепел.

– Свет все превращает в пепел, сжигает дотла.

В голосе моего спутника вдруг прорезаются живые нотки:

– Земля покрыта пеплом, как снегом. И «снег» идет и идет… иногда полностью закрывая небо… и кажется, наступила долгожданная ночь и можно отдохнуть от вечного рассвета. Однако новое Солнце не терпит противления и мрака – и ночи не вступить в свои права.

Внезапно страх покидает меня:

– Красиво излагаешь, как по писанному… зачем ты нашел меня?

* * *

Причудливая прогулка – двое путников в недрах мертвого, укутанного черным саванном города. Возродиться бы из пепла птицей Фениксом, окинуть зорким глазом новый мир – его границы и горизонты… Не хочу быть «рожденным ползать» кротом, не хочу на ощупь пробиваться через грязь и тлен, пресмыкаться под убийственными лучами беспощадной звезды.

Вокруг слишком ярко, чтобы ощущать собственную слепоту. Я не чувствую земли, делаю шаг за шагом, бреду без цели и смысла. Поводырь больше не беспокоит меня – он всего лишь часть декораций, деталь интерьера в театре абсурда. Мы молчим и наслаждаемся нашим молчанием. Двигаться, идти – прямо, прямо, прямо! Остановишься и круговерть вальсирующего в агонии города захватит, подчинит, лишит разума.

Что-то меняется, поводырь застывает на месте. Перезвон! Колокола! Но здесь не должно быть церкви – нет и никогда не было… Однако я слышу величественную музыку – биение железного сердца, а через секунду оживает божественный орган. Внеземное звучание, запредельная красота…

«Мелодия» мне знакома, однажды она подарила мимолетное, короткое счастье… Небольшая церковь в крохотной деревушке. Несколько десятков празднично одетых людей – их лица забыты, укрыты туманом времени. Два человека – узнаю себя – молодой, слегка нервничающий жених в строгом черном костюме, и – моя белоснежная принцесса, готовящаяся стать королевой… Они… мы… заходим внутрь церкви, исчезаем под сенью благодатных сводов. Пожилой священник – я помню его добрый, по-отечески мудрый взгляд – соединяет руки влюбленных. Церемония ускользает от меня, остается только волнение и ощущение сопричастности…

Обожженные глаза режет солью. Но мне не стыдно перед поводырем:

– Что ты видишь? Эта церковь должна находиться за много километров отсюда.

Мой спутник покорно отвечает:

– Ты в плену своего Прошлого, я вижу то, что тебе хочется показать. Ты был тогда… там… счастлив?

Пожимаю плечами, – возможно… – и тут же киваю. – Сейчас знаю, что – да.

Судьба подарила мне много светлых моментов. Когда-то это воспринималось как данность: случайная встреча, неудержимый водоворот чувств, бешеный ураган страстей, тихое таинство венчания и спокойная семейная жизнь, размеренная повседневность… до новой вспышки – в мир пришел беззащитный, крошечный человечек, удивленно взирающий по сторонам. Первые слезки, улыбки, бессонные ночи и тревожные дни, первые неуклюжие шаги и «па-па», от которого кружится голова и замирает сердце… А потом появился ангелочек – улыбчивая кудряшка с серьезным взглядом зеленых глаз…

– Прекрати! Прекрати все это! – я ору изо всех сил, пытаюсь руками найти поводыря, ударить наотмашь, но ловлю лишь пустоту, – зачем, зачем ты мучаешь меня?!

Ничто больше не нарушает кладбищенского покоя, набат умолк, орган никогда не звучал. Лишь ветер нашептывает одному ему известные мантры да слабеющее эхо вторит чужим словам – «в плену Прошлого, в плену Прошлого»…

* * *

Обида и злость – две сестры. За что мы прикованы к земле, зачем нам руки, которые не в силах поднять наши тела в воздух?

Завуч, женщина неопределенного возраста с простым и честным прозвищем «Грымза», брызжет на меня слюной, из хищной, ощерившейся клыками пасти выползают на свет ядовитые слова-змеи: «хулиган», «двоечник», «позор класса»…

А я хочу взмахнуть крылами, оседлать дикий, непокорный воздух и взмыть неудержимой птицей над школьным двором, чтобы кружиться, стремительно взлетать и, подобно ястребу, пикировать вниз, пугая смешных, нелепых узников земли. Хочу, чтобы от моего победного клекота содрогались и лопались стекла по всей округе, чтобы…

Но у меня нет крыльев, только слабые, потеющие от стыда и бессилия руки. Я должен забиться в кокон… оказаться по ту сторону янтаря… Янтарь – отец привез мне его с юга – крошечный, прозрачный «камушек» неправильной формы, но внутри него навсегда поселилось неизвестное насекомое с хрупкими,

аккуратными крылышками. Я знал – оно живое, затаившееся, миллионы лет безропотно ждущее окончания бессрочного заточения. Вокруг янтаря сменяются эпохи, тысячелетия пролетают секундами, отступают и вновь возвращаются грозные ледники, лишь пленник камня всегда по ту сторону – неподвластен времени – смеется, издевается над смертью. Мне нужно туда…

Не знаю, почему память явила мне школьную экзекуцию. Унижения стараешься загнать поглубже, положить неугодные воспоминания на самую дальнюю, покрытую паутиной забвения полку… Детский талисман давно сгинул, бесследно затерялся в прошлом. Только в юные годы возможно прорыдать всю ночь над пропавшим другом, живущим в окаменевшем кусочке смолы. Сейчас – пожимаешь плечами и немедленно забываешь о плененном насекомом… Где ты? Как пройдет для тебя очередной миллион лет? Увидишь ли новых людей или планета, тяжело переболев радиацией, навсегда отринет безумных существ, пораженных жаждой смерти?

«Мы пришли, – Поводырь нарушает таинство тишины и молчания, – дальше ты сам».

Мне не хочется удивляться и спорить с ним. Деликатность за деликатность.

«Подожди, возьми вот это», – в мою раскрытую ладонь ложится нежданный «подарок». Ощупываю его: «Ножницы?» Наверное стоит высмеять нелепый дар, однако Поводырь серьезен: «Пора перерезать пуповину Прошлого».

Я не слышу, как он уходит, нет ни шагов, ни звуков, даже пепел не взлетает вслед странному путнику…

* * *

Слепоте не скрыть от меня собственного дома. Огромная двадцатиподъездная «змея», уходящая на девять этажей в небо.

Я не один. Самые важные на свете люди уже ждут меня: любимая королева, всегда прекрасная, неугомонный трехлетний принц-почемучка и непоседа-принцесса с улыбкой, дарованной самими ангелами…

«Па-па! Папочка!». Этим словам не всколыхнуть застывший, мертвый воздух, не сорвать с тела земли черный траурный покров, не вдохнуть жизнь в город-призрак, оплакивающий собственную смерть… Эти слова только для меня – для уставшего, отчаявшегося сердца, для невидящих глаз, почти разучившихся плакать, для…

Я бегу им навстречу, спотыкаюсь, падаю, смеюсь от счастья и снова бегу.

Они совсем рядом – слышу их. Протянуть руку – коснуться, обнять! Не нахожу. «Папочка». Ладонями режу воздух. «Папа!» Хватаю пустоту. «Спаси нас!»

Голоса ускользают, теперь они глухие, еле слышимые. Мои руки молотят по металлическим гулким дверям… лифта. Господи, нет, молю тебя, нет, не надо! Только не снова!

Обесточенный лифт, застрявший между жизнью и смертью. Снаружи – повсюду, со всех сторон – воют сирены противовоздушной тревоги, надсадные, истеричные громкоговорители взывают: «всем укрыться в подвалах и бомбоубежищах». Мимо меня пробегают перепуганные, растерянные люди. В общем хаосе я почти не различаю три слабых, отчаянных голоска, заточенных в недрах мертвого подъемника. «Папочка, пожалуйста!». Я скребу израненными, кровоточащими ногтями по упрямому, неподдающемуся железу. «Папочка, здесь темно и страшно!». Мои ноги выбивают из равнодушного металла громоподобную дробь. «Спаси нас!» Трясущиеся, дрожащие от нечеловеческого усилия кисти напрасно пытаются разъять намертво сомкнувшиеся челюсти адского «капкана»…

«Не бросай нас…» Я кричу. «Не оставляй нас одних». Это больше не крик – превращаюсь в ярость, в кипящий гнев. Лифт содрогается под моим отчаянием, лютая ненависть гнет прочные, неуступчивые листы, нечеловеческая, запредельная злоба оставляет на гладкой поверхности зачарованных дверей глубокие рваные борозды.

Но силы на исходе, тело кричит и молит о пощаде – я проигрываю…

«Папа, открой глаза, посмотри на нас, пааапоооочкааа!»

Я не оставлю вас больше, не оставлю!

Увидеть, всего лишь увидеть… Веки не слушаются, тонкой кожи на глазах больше нет – только костяной нарост – ороговевший панцирь. Глаза запечатаны страшным проклятьем – это кара, наказание.

«Ты знаешь за что».

– Знаю.

«Прими это».

– Нет!

«Тебе не нужны глаза, которые не в силах увидеть Свет».

– Не тебе решать! Уйди!

Я пытаюсь сорвать костяную пластину, закрывшую лицо страшным бельмом. Напрасно – она не поддается, мои ногти даже не оцарапывают ее.

«Тебе не помочь своей семье, ты – слеп».

– Уходи!

«Их не спасти, беги, спасай свою жизнь».

– Уходиииии!!!

«Ты оставил их один раз, теперь будет проще».

Это тишь – тишь говорит со мной, вливается в уши, успокаивает умирающие от боли мышцы, баюкает…

«Все уже случилось, ты не мог им ничем помочь. Так бывает, так случается. Человек слаб – слабее судьбы, слабее обстоятельств».

Я нащупываю холодное острие ножниц, подаренных Поводырем. Слабый, далекий голос: «Пора перерезать пуповину».

Тишь ласкает меня, шепчет, нежно заглядывает в закрытые глаза: «Пойдем со мной, нам предстоит очень долгая дорога».

Улыбаюсь. Мне страшно, но я улыбаюсь. Руки, держащие ножницы, бьет тяжелая, нервная дрожь… Знаю, куда ведет долгая дорога… нам не по пути.

Прижимаю острия к лицу – удар – панцирь хрустит и скалывается. Удар – и крошечные трещинки бегут по ороговевшей поверхности. Удар, удар, удар! Ножницы застывают у самых глаз…

Остается последний шаг – самый важный, самый страшный.

Зачем взгляд, в котором нет ангелов, зачем жизнь, наполненная лишь пустотой, зачем память, в которой только упрек… Я сам выношу себе приговор, но как же тяжело привести его в исполнение…

Металл приятно холодит истонченную кожу век. Какие хрупкие, почти не ощутимые оковы, кандалы для моей грешной души… Пришло время перерезать «пуповину»…

Господи, как же мне страшно, Господи…

* * *

В моем мире нет ничего, кроме боли. Нет даже тишины и темноты, в которые я погружен навечно. Во вселенском вакууме появляется первородный атом – начальный элемент. Он – сосредоточие всего и вся: Бытие и Сущее, Альфа и Омега, Начало и Конец.

Как обидно, что я – это он – крошечная частица, а он – безграничная, ничем не ограниченная боль, вобравшая в себя время и пространство… Мне хочется кричать, но звук еще не рожден, мне хочется умереть, но жизни не существует. Пленник в клетке собственных иллюзий, узник страстей, превратившихся в

пыль…

Невидимое веретено времени наматывает на себя нити из миллионов лет – спираль за спиралью. Космическое безбрежье насыщается секундами, время пульсирует – я ощущаю его ритм, – вселенская пустота приходит в движение. Тектонические плиты мироздания – Абсолютное Ничто Пространства сталкивается с Великим Ничем – молчаливым Хозяином песочных часов. Детонация и ВЗРЫВ…

Все меняется. Теперь я слышу Голос. И узнаю его – Поводырь!

Тайные слова – наполненные смыслом и состраданием, молитвы – шелест уставших губ.

И несуществующие стены моей темницы, сотканной из страданий и кошмаров, истончаются и исчезают. Ощущаю теплое, осторожное прикосновение – ладонь Поводыря ложится поверх моих глаз и я, наконец, вырываюсь из ледяных оков свирепой боли – она уходит без возврата.

Здесь нет света, густая тьма пустых глазниц. Но я чувствую это место – старое бомбоубежище, однажды покинутое, но вновь дождавшееся меня.

– Как я оказался здесь… опять? – голосовые связки не слушаются меня, вместо слов – утробный хрип, вместо звуков – только стон.

– Ты никуда не уходил, ты всегда был здесь.

– Но я помню, мы… Что со мной?

– Умираешь – от удушья и потери крови. Ты заклинил дверь, перекрыл вентиляцию, а потом лишил себя глаз.

Речь его – жестокая и хлесткая, как плеть, но нет в ней металла и злобы.

– Зачем?

Он молчит, нам больше не нужны слова.

«Несешь свой крест. Ты хотел чувствовать, что чувствовали они. Темноту, отчаяние, отсутствие надежды… Глаза мешают видеть».

– Что… видеть?

– Самого себя.

– Почему ты здесь, со мной?

«Ты – один. Справедливому суду был нужен свидетель, обвинитель и защитник. Судья не может вершить правосудие в одиночку. И ты придумал меня».

– Судья – это я?

«И палач тоже».

Эмоций нет, ни сожаления, ни печали. Ничего.

– Приговор приведен в исполнение?

«Почти. Скоро кончится кислород. Осталось недолго».

Мне не страшно, только немного грустно. И это светлая грусть – странная, невозможная, противоречащая всем инстинктам. Впервые в жизни я не боюсь… Какое тихое спокойствие… мой путь пройден до конца. Вот и все.

Поводырь смеется:

«Это только начало».

Хороший, добрый смех – нет в нем ни угрозы, ни предупреждения. Только чистый, ясный свет.

Я знаю, запертая дверь скоро откроется и за ее порогом будут ждать… те, кто простил меня.

Нас разделяет всего лишь дыхание… несколько глубоких вдохов. Ничтожное расстояние. И я улыбаюсь.

Игорь Илюшин

Плакальщик

I. Узник правосудия

– Не передумал еще? Молчишь? По глазам вижу, что нет, и уже не передумаешь, – старик покачал головой, тяжело вздохнул и вернулся к своему занятию. С деловым видом он осмотрел крепления кевларового бронежилета и защитных пластин, подтянул ремни, показавшиеся ему ослабленными. Не туго, чтобы не стеснять движения, в самый раз, болтаться не будет, сидят как влитые. Закончив с этим, чуть тягостно похлопал своей крупной, узловатой ладонью по спине терпеливо дожидающегося конца процедуры молодого человека. На вид ему можно было дать лет двадцать семь, не больше, однако помертвевшее лицо с пустыми глазами прорезали кривые дорожки морщин – печать безнадежного горя, отяготившего душу.

– Вот, проверь-ка, не жмет нигде?

Тот послушно покрутил руками, присел, даже подпрыгнул.

– Все в порядке, спасибо, Сергей Николаевич, как на меня делали. Надеюсь, мне хватило патронов, чтобы за все расплатиться, вряд ли я смогу вам отплатить по полному за вашу помощь. – На его бледном заостренном лице появилась слабая улыбка.

– Эх, – оружейник опять тяжело вздохнул, – отказался бы ты от своей затеи, Леш. Своими руками на смерть тебя собираю, тебе еще жить и жить, а такие вещи…

они для нас, для тех, кого в будущем уже ничего не ждет.

Парень ничего не ответил. Медленным шагом он подошел к широкому столу, примостившемуся у дальней стены мастерской. Там его ждала остальная часть экипировки для предстоящего дела. Старик молча смотрел ему в спину, потом махнул рукой и сел на протяжно скрипнувший стул с отбитой спинкой, прикрыв лицо ладонью. Алексей медленно взял в руки каску, соединенную с масочным респиратором, темная сталь тускло блестела в свете сороковатной лампочки, отражающейся в стеклянных окулярах. Не спеша надел, защелкнул замки. Потом перекинул через плечо колчан с арбалетными болтами. Сам арбалет, композитный «Архонт», бегло осмотрел, проверил механизм, хотя и знал, что нужды в этом нет, – Сергей держал снаряжение в прекрасном состоянии. Кобуры с пистолетами-пулеметами Алексей закрепил на бедрах, десяток обойм к ним отправились в подсумок. Пара ножей, среди которых был керамбит, отправились в ножны на груди и ноге. И в довесок две наступательные гранаты РГД-5. Кажется, все. Он быстрым шагом прошел от края до края мастерской, попрыгал. Ничто не стесняло движений, все сидело идеально.

– Да уж, грозно выглядишь, – пробормотал старик, разглядывая обвешенного броней и оружием парня. – Человек-армия, так говорили раньше.

– Спасибо, дядь Сереж, спасибо за все. Надеюсь, увидимся еще, не знаю, как благодарить вас…

Старик, который даже в свои шестьдесят выглядел крепким, стойким, словно столетний дуб, теперь осунулся, стал меньше. Он подошел к Алексею, заглянув в безучастные, мертвые стекла противогаза, сухая ладонь легла на железный наплечник.

– Просто выживи, Леш… И перебей всех этих мразей. Без пощады, пусть заплатят за все. За каждую отобранную жизнь и пролитую кровь. Есть вещи, простить которые не смогут даже святые, а мы всего лишь люди. Одно только жаль, что выпало нелегкое дело на твою долю.

Он хотел добавить что-то еще, но передумал. Потрепал по плечу и отступил на шаг, окинув взглядом готового к выходу воина. Оружейник невольно содрогнулся, сейчас перед ним стоял не молодой жизнерадостный парень, каким запомнился ему Алексей. От молчаливой фигуры в броне веяло пустотой и тьмой,

притаившейся на дне истерзанной души. Не осталось ничего, что распаляло ее огонь. Человек исчез, растворился, осталась оболочка, живая, но мертвая.

Не говоря ни слова, Алексей развернулся, направляясь к закутку, скрывавшему собой лестницу наверх, к небу, налитому свинцовой тяжестью осени. У выхода он обернулся, сверкнув белой вспышкой стекол противогаза:

– Нет больше Алексея. Он исчез вместе с той, которую любил, когда ее ломали и пытали, а потом… – запнулся. Не смог выговорить. – Сгорел вместе со всеми, кто заслуживал намного большего, чем они в итоге получили. Даже если придется спуститься в Ад и ниже, ради мести, я спущусь. Отныне зови меня… Плакальщик.

С этими словами он поднялся по раскрошенной бетонной лестнице навстречу своей судьбе.

Снаружи лил дождь, словно где-то прорвалась темная гладь мрачного неба, скрывавшая за собой целый океан, и теперь он решил утопить в себе весь белый свет. Резкие порывы ветра хлестали россыпью тяжелых капель, со звоном разбивающиеся о стальные части брони Плакальщика. Он немного постоял на месте, устремив взор вдаль, туда, где из-за стены деревьев поднимались темные столбы дыма, смешивающиеся со свинцовыми облаками. Ныне пожары в Вичуге пылали почти каждый день, и даже подобный ливень был не в силах их затушить. Алексей закинул арбалет на плечо и неспешной походкой направился в сторону городка. Спешить ему было некуда, его никто нигде не ждал. Больше не ждал. В памяти воскресали и гасли обломки воспоминаний о недавней жизни, теперь она была чужая, казалось, что он подсмотрел ее, примерив на себя, а потом со вздохом отложил прочь, как неподходящую вещь. Его личные воспоминания начинались теперь с момента, когда…

…Черный дым, неспешно расползающийся по синеве неба, Алексей увидел издалека. Внутри тут же кольнуло от дурного предчувствия, пальцы сжали рукоять станкового пулемета так, что побелели костяшки пальцев. Что могло случиться за те полдня, что он и Георг ездили в соседние Родники за припасами? Пожар? Уже плохо: август выдался засушливым, дожди словно обходили Вичуги стороной, даря свою благосклонность кому-то еще, если пылает бывший частный сектор, а дома там в основном деревянные, выгорит все вокруг. Броневик резко

подскочил на ухабе, Алексею пришлось со всей силы вцепиться в оружие, чтобы удержаться, свободной рукой он повыше натянул обрывок шарфа, защищая лицо от летящей в него пыли и сора. На стеклах противоосколочных защитных очков темнели грязные пятна, но обзору не мешали. Лента пулеметных патронов звенела и дребезжала о дно кузова, извиваясь раненной змеей.

Дальше пошла ровная дорога, по сторонам от которой неспешно проплывали обширные поля. Трава и цветы мягко колыхались под порывами ленивого бриза. Они уже теряли свои летние краски, желтея, увядая, всем своим видом говоря о скором наступлении осени. На фоне чернеющего вдали леса можно было рассмотреть едва уловимые силуэты танцующих в воздухе лунных фей. Изящные создания, словно сотканные из серебра, кем они были в старом мире, из кого получились? От длинных гибких тел во все стороны вились невесомые, плавно колышущиеся щупальца, увенчанные бусинками слез, в темноте они сияли голубыми звездами, и часто поля, где ночевали феи, превращались в озера света. Длинные шеи венчались безликими лицами, рассекаемыми полоской широкого рта. Эти существа были безобидны, никто даже не знал, чем они питались. При приближении они взмывали вверх, словно потревоженные бабочки, и рассыпались во все стороны, издавая мелодичный звон. В преддверии осени их стало меньше, но каждое лето они возвращались вновь, возрождаться и умирать.

Алексей отвернулся от кружащих вокруг мутантов, сосредоточившись на том, что впереди. Еще пятнадцать минут, и они будут дома. Ни он, ни Георг не заметили скрытую тенями цепь, натянутую поперек дороги, у самой земли.

Добытчики даже не успели понять, что произошло. Машину резко подбросило, накренив вперед, раздался зубосводящий скрежет метала, и их швырнуло на обочину. Во все стороны разлетелись плохо закрепленные мелкие свертки и коробки с грузом из Родников, а среди них кувыркался по земле Алексей, напоминающий безвольную куклу. Массивное колесо завалившегося на бок броневика прочертило совсем рядом с головой, разминувшись с ней буквально на пару сантиметров. Повисла тишина, нарушаемая лишь шумом ветра в кронах деревьев. Алексей с тяжким стоном перекатился на спину, боль охватила каждую клетку тела, сознание подло норовило ускользнуть в спасительную темноту, прочь от страданий. Одно из стекол очков разбилось, лишь чудом не повредив глаз, второе пошло мелкими трещинам. С трудом, превозмогая свинцовую тяжесть в руках, Алексей непослушными пальцами задрал их на лоб. Он лежал на спине, безучастно разглядывая небо с лениво плывущими по нему

облаками. Рядом раздались шаги.

– Опа! А этот еще жив. Ха! Так даже интереснее. – Над Алексеем навис человек в черной местами рваной одежде, перехваченной множеством ремней разного размера. Впалые колючие глаза незнакомца на изможденном бородатом лице разглядывали добытчика насмешливо, недобро. Сапог с подкованной подошвой опустился на грудь Алексея, давя на ребра, хищная улыбка растеклась по губам оборванца. Он обернулся за спину. – Эй, ребята, принимайте живчика, отправим к остальным, а то больно уж они хлипкие, так что лишним не будет.

К ним тут же подошли несколько человек. Подобных им, вичуговцу видеть раньше не доводилось. Крупные, в закопченных до черноты железных, местами щетинившихся кривыми шипами пластинах брони, закрепленных широкими ремнями и цепями. Некоторые носили эти импровизированные доспехи прямо поверх голых торсов. За спинами воинов висели автоматы АК, а в ножнах на поясах короткие, грубо сработанные клинки. Крепкие руки подхватили безвольное тело Алексея и потащили прочь от места аварии, любитель ремней в черном ехидно помахал ему вслед рукой, подмигнув.

– Добро пожаловать в Орден Черных Рогов, парень!

Так Плакальщик впервые встретил Аристарха. В черном списке это имя стояло одним из первых, и вскоре, он планировал вычеркнуть его навсегда…

Окраины города встретили его тишиной и мертвыми остовами сгоревших домов. Потоки воды стекали по черным обугленным останкам, смешиваясь с золой и пеплом. Осиротевшие, изуродованные пламенем вещи довершали мрачную картину разорения. Что-то жалобно хрустнуло под ногой, Алексей нагнулся и поднял сломанную, оплавленную куклу с трещиной на голове. Он несколько мгновений разглядывал игрушку, пальцы сжались вокруг пластикового туловища, затем словно обессилели, и кукла выскользнула из них на землю. Единственный оставшийся глаз небесно голубого цвета равнодушно взирал на плывущие сверху серые облака.

С громким треском обрушилась часть сгоревшей стены в доме неподалеку, не выдержала собственного веса из-за сырости. Плакальщик мгновенно вскинул арбалет, развернувшись к источнику шума. Несколько секунд он вглядывался в

развалины, прежде чем опустить оружие. Не обнаружив ничего опасного, медленным шагом он приблизился к порогу и заглянул внутрь, опершись рукой о дверной косяк, вернее о то, что от него осталось. Это был дом Георга.

В тот злополучный день его друг не пережил аварии, один из воинов черных рогов вытащил его, полуживого, с переломанными конечностями, из машины, добив ударом штыка в сердце. По крайней мере, ему не довелось увидеть ужасы, до сих пор изводящие разум Алексея во сне и наяву. У Георга был сын, Антошка, семилетний проказник, за которым глаз да глаз, кто знает, что с ним стало теперь. Солдаты Ордена Черных Рогов увели всех детей в неизвестном направлении, их десятками грузили в фургоны, а тех, что были хлипкие или больные… От них избавились. Даже не стали тратить патроны, словно мясники на бойне, воины орудовали ножами и мечами. Маленькие безвольные кукольные тела, залитые кровью, скинули в одну общую могилу и подожгли, облив бензином. Плакальщик хорошо помнил тошнотно-приторный запах горящей плоти, смешанный с химическим запахом топлива, от которого кружилась голова и от которого некуда было деваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеются в виду события романа «На краю пропасти»

Купить: https://tellnovel.com/ru/baranova_igor/metro-2033-holodnoe-plamya-zhizni-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить